

БНУ

Поскольку с нами ехали англичане, словенцы, поляки, украинцы, сербы – это я выяснил, когда на границе увидел паспорта наших попутчиков у Лили в руках – то говорила она о нашем маршру-

Мало-помалу протесты утихли. А я думал, глядя на Лилю, что это совсем нелегкий труд – целый день говорить на трех языках да еще и следить за этой разношерстной публикой. Особенно в такой стране, как Албания, где все может случиться. А Лиля и правда смотрела за нами на протяжении всей поездки как за малыми детьми.

(Окончание. Начало в журнале «Север» № 9-10, 2014 г.)

Наш автобус миновал город Бар – из него мы потом с Леной пойдем на пароме в Италию – и начался подъем в гору. Большие поселки постепенно сменяются маленькими деревнями: десяток домов и небольшой магазин. Горная автомобильная дорога становится все уже. А движение по этой дороге весьма оживленное – все чаще нашему водителю где-нибудь на повороте приходится сдавать назад, пропуская машины, спускающиеся к морю. Лена при этом от страха закрывала глаза, поскольку ей казалось, что сейчас мы рухнем в очередную пропасть.

Наконец подъем закончился. «Мы почти доехали до границы, – сообщает нам Лиля. – Смотрите, здесь уже нет черногорских православных сел, здесь живут мусульмане». Так и есть: одна за другой проплывают за окном небольшие мечети, мусульманские кладбища, у дверей домов стоят женщины в хиджабах.

Дорога от Бечичей до черногорско-албанской границы заняла у нас чуть больше двух часов. И вот мы на пункте пропуска. Лиля собирает у нас паспорта, кладет их в пластиковый пакет и уходит в сторону здания пограничной стражи Черногории.

Пока ее нет – оглядываюсь. На пункте пропуска – две полосы. Одна предназначена для легковых автомобилей, другая – для автобусов. Грузовых машин, фур не видно. Легковушек и автобусов много.

Очередь идет довольно быстро на въезд в Албанию. На выезд из нее – гораздо медленнее.

Почему так, мне объяснил наш водитель:

– В Албании климат для выращивания кукурузы, пшеницы и вообще всего-всего очень благоприятный. Но албанцы не только продукты питания выращивают. Тут много теплиц, где растет марихуана. Они ее для продажи в Европу практически открыто растят. Кроме этого, героин тут в промышленных масштабах делают. А потом все это сами и вывозят через этот пост. Дальше – в Италию, ведь когда из Черногории в Италию едешь, досмотра почти и нет. Затем марихуану и героин албанцы гонят по всей Европе. Недавно я был здесь с туристами, как раз наши спецслужбы операцию устраивали по задержанию наркокурьеров. За два часа они шестьдесят албанцев задержали с крупными партиями этой дурги...

Как только водитель заканчивает свой увлекательный рассказ, в салоне появляется Лиля. Автобус трогается с места, и мы уже без остановок вкатываемся на албанскую территорию.

С другой стороны границы опять останавливаемся, чтобы попить кофе и перекусить – возле пограничного поста устроено кафе. Рядом – магазинчик сувениров. Наши соотечественники из всех сувени-

ров почему-то особенно предпочитают албанский коньяк. Что они в нем особенного нашли – мне так до сих пор и не понятно. Я ограничиваюсь магнитиками и красной футболкой (это цвет государственного флага) с черным двуглавым албанским орлом.

Туристов, что высаживаются на албанском пограничном посту, встречает замечательно симпатичный бело-рыжий бездомный пес. Он на всех вновь прибывших в эту страну смотрит ласково, виляет хвостом и ждет, что его чем-то угостят...

СОН ДВЕНАДЦАТЫЙ. БУНКЕРЫ, ГОРОД ШКОДЕР И ОСОБНЯКИ В КУЧАХ МУСОРА

Дорога от границы напоминает проселочные дороги Карелии: ухабистая грунтовка, узкая и пыльная.

По обе стороны дороги стоят бедные грязные дома, между которыми бродит тощая живность – коровы, овцы, куры и собаки – и плохо одетые люди.

Пока автобус переваливается из ямы в яму, Лиля берет микрофон: «Добро пожаловать в страну бункеров! Вы увидите здесь много интересного, но бункеры – это то, что в Албании не увидеть просто нельзя. Они везде. Вот сейчас за поворотом будет первый».

Так и случилось. Увидев первый бункер в приграничной деревне, я принялся считать все, что попадались нам по дороге. Насчитав около шестидесяти, прекратил – их великое множество, этих бетонных защитных сооружений, что сейчас заброшены и заросли травой. Албанские бункеры – это своеобразный памятник Энверу Ходже – человеку, который бесценно правил страной более сорока лет: с 1944-го по 1985 год.

Энвер Ходжа убеждал своих подданных, что на Албанию неминуемо должны напасть если не империалисты со стороны Италии, то Советская армия с другой стороны. И приказал каждой албанской семье построить один, а то и несколько бункеров, дабы в случае интервенции защитить себя от авиаударов.

Бункеры также должны были, в случае необходимости, стать наблюдательными пунктами или огневыми позициями албанской армии. Таких сооружений было построено – по различным подсчетам – от шестисот до девятистот тысяч. И это в стране, где проживает всего-то три миллиона человек!

Бункеры строились в городах и деревнях, в горах и на полях. Некоторые из них практичные албанские крестьяне приспособили под стойла для скота, под склады и даже под жилье. Пробовали албанцы открывать в них кафе и даже переделывать под отели. Но в основном эти защитные сооружения сейчас на-

ходятся именно в том состоянии, в каком я их видел: заброшенные и разрушающиеся.

От черногорско-албанской границы наш путь лежит в город Шкодер. Дорога становится лучше, но пейзаж почти не меняется: небольшие бедные деревни, поля, теплицы, пасущиеся стада коров, коз и овец. И кучи мусора везде. Везде! Начиная от бытовых отходов и заканчивая ржавыми остовами умерших от старости автомобилей.

Чем ближе приближались к Шкодеру, тем чаще в придорожных деревнях мы видели, что среди бедных лачуг то тут, то там вдруг возникали вполне современные солидные коттеджи из красного кирпича с основательными хозяйственными пристройками. Правда, все это строительное великолепие тоже утопает в мусоре.

Спрашиваю у Лиля: «Это местные богатеи такие дома себе строят?» Она усмехается: «У них тут богатеями считаются те семьи, в которых мужчинам посчастливится уехать на заработки в Европу, в Италию прежде всего. Они там работают, а деньги сюда посылают, чтобы родные такие вот дома строили. Еще большее счастье – если муж или сын с мафией связан. Такие герои здесь самыми лучшими и надежными кормильцами считаются... и завидными женихами, кстати». «С албанской мафией?» – уточняю я. «Да, с албанской мафией. Албанская мафия – не вымысел, это реальная и влиятельная сила», – отвечает Лилия.

Шкодер – или Скадар по сербо-хорватски – расположен в тринадцати километрах от черногорской границы. Это четвертый по величине город Албании, и население его составляет более двухсот тысяч человек. Город древний. Название его происходит от латинского «*scutarii*», что значит «защитники». Название он получил в те далекие времена, когда здесь квартировали римские легионеры. А до римлян здесь жили иллирийцы, да-да, те самые, которыми когда-то правила пиратская царица Теута. В четвертом веке до нашей эры они построили в этих местах крепость, которая хорошо сохранилась до наших дней...

А вот и пригород Шкодера! Грязь, старые дома с кое-где выбитыми окнами. Надо всем этим – какое-то жуткое, абсолютно хаотичное переплетение телефонных и электрических проводов. Проезжаем чуть подальше – и среди нищеты возникают современный торговый центр и новенькое здание, в котором работают – если верить табличкам – представители различных международных организаций. Дальше – опять неуютные обшарпанные дома.

Удивляться бедности нечего: тридцать про-

центов албанцев безработные. Средняя зарплата в стране официально – 250 евро, но это, так сказать, очень средняя температура по больнице: разница между доходами богатых и бедных албанцев чудовищно велика.

Еще немного вперед, и мы замираем от удивления! Перед нами старый кинотеатр, очень похожий на советские кинотеатры сталинских времен. Например, на недавно уничтоженный в Петрозаводске кинотеатр «Сампо». На фасаде кинотеатра большой плакат с Расселом Кроу в роли генерала Максимуса. И текст, гласящий, что здесь идет премьера фильма «Гладиатор». Вспоминаю, в каком году этот исторический боевик вышел на экраны мира. Точно! В мае двухтысячного! Не прошло и пятнадцати лет, как печальную киноисторию римского полководца увидят добрые албанцы!

Чем ближе к центру Шкодера, тем чище становятся улицы. Видим отреставрированные старые здания и, как кажется, совсем недавно построенные дома – современные.

Останавливаемся у большой новой мечети. Лилия приглашает нас выйти и говорит: «Эта мечеть построена с помощью мусульманских организаций Египта. А совсем рядом – большой православный храм. А еще чуть дальше – католический костел. Строительство этих сооружений стало возможным только после смерти Энвера Ходжи. При нем любая религия в Албании была запрещена».

В середине шестидесятых годов прошлого века Энвер Ходжа объявил Албанию первым в истории человечества полностью атеистическим государством. Он конфисковал собственность и земли храмов и монастырей всех конфессий в пользу государства и запретил любые религиозные службы. За хранение у себя дома даже листочка из Библии или Корана албанец мог быть осужден на многие годы. При Ходже именно в Шкодере был казнен католический священник, осмелившийся тайно крестить ребенка. Церковные имена детям также было давать запрещено.

Энвер Ходжа проповедовал: «У албанцев нет идолов и богов, но есть идеалы – это имя и дело Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». Кстати, после смерти албанского лидера в 1985 году такая антирелигиозная политика продолжалась еще несколько лет. Сейчас, взамен разрушенных, строятся новые храмы, но, как говорит Лилия, ревностных верующих в стране не очень много. Массового возвращения к вере в Албании не произошло. Мы убедились в этом, когда зашли в православный храм. Он был открыт, но пуст.

Кстати, в Шкодере, где в огромном большинстве

живут этнические албанцы и немногочисленные славяне, наряду с мусульманами большую роль играет и албанская католическая община.

Лиля проводит нас к памятнику матери Терезе – всемирно известной католической монахини, лауреату Нобелевской премии мира 1979 года за непрестанную помощь бедным и больным в Индии и по всему миру.

«В Албании к этой женщине особое отношение, – говорит наша предводительница. – Дело в том, что она по национальности албанка и поэтому жители этой страны считают ее своей святой и покровительницей. Ее изображения вы еще не раз увидите».

То, что мать Терезу в Албании любят и уважают, сомневаться нам не пришлось. Мы проезжали мимо множества камнерезных мастерских, и везде во дворе стояли скульптуры монахини, причисленной католической церковью к лику блаженных. В Албании даже есть государственный праздник, который так и называется: День матери Терезы.

Но все же о происхождении матери Терезы Лиля рассказала не совсем точно.

Во-первых, родилась Агнес Гонджа Бояджиу – так в миру звали мать Терезу – не в Албании, а в соседней Македонии, в городе Скопье. Албанкой была только ее мать, которую звали Дранфиле. А отец будущей монахини был македонским румыном. Звали его Никола. Родители Агнес – Терезы были ревностными католиками и привили свою веру дочери. Но албанцев такие мелочи не смущают. Наша она, мол, албанка – и точка!

В центре Шкодера мы гуляем по местному «Арбату» – небольшой пешеходной улочке, где нет жилых зданий, только кафе, ювелирные и сувенирные магазины и отделения албанских банков.

«В Албании очень дешевое серебро, – как-то особенно интимно говорит Лиля нашим женщинам. – Советую заглянуть в местные лавочки...»

Женщин упрашивать не надо. Через минуту они уже прицениваются к серебряным цепочкам и браслетикам в близлежащих магазинчиках. Вещи попадают действительно очень красивые. Лена купила там замечательный браслет. Правда, на албанском серебряном браслете стояло итальянское клеймо. Но это уже мелочи...

Отхожу чуть подальше от пешеходной улочки и попадаю совсем в другую атмосферу. На грязных пожухлых газонах сидят люди, рядом с которыми на колченогих табуретах или просто на покрытой газетами земле лежит всякий хлам, который они продают. Почему-то больше всего здесь подержанных сотовых телефонов и зарядок к ним. Телефоны здесь

можно найти от совсем древних, которыми можно гвозди забивать, до вполне современных. Сразу возникает мысль о происхождении данных гаджетов, о злой судьбе, что забросила их на шкодерскую мостовую. Мои догадки о том, как телефоны сюда попали, подтверждает и Лиля: «Скорее всего, это все украдено малолетними воришками у туристов. Так что будьте поосторожнее!» Ленка инстинктивно покрепче прижимает свою сумку к телу, а я оглядываюсь вокруг. Албанской детворы тут действительно трется много. Одни просят подаяние, другие бегают вокруг заплутавших иностранцев, а третьи спокойно сидят под деревьями и как-то особенно пристально наблюдают за нами. Заметив, что мы тоже обратили на них внимание, маленькие албанцы тут же исчезают за листвой...

СОН ТРИНАДЦАТЫЙ. АВТОРАЗБОРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ МАФИИ ПО ДОРОГЕ НА ДУРРЕС

Из Шкодера путь наш лежит на побережье Ионического моря, во второй по значению после столицы Тираны город этой страны.

Старая дорога, построенная еще при правлении Энвера Ходжи, постепенно превращается в современную автостраду. «Магистраль на Дуррес и Тирану, – объясняет Лиля, – построена на деньги европейских банков. Они дали кредит Албании. Видите, вон там итальянский флаг. Значит, этот участок финансировали итальянцы. А вот немецкий участок проезжаем, дальше французский будет. Так и строят здесь: денег получают займы – используют, еще получают – еще часть работ выполняют...»

Пейзаж за окном меняется. Уже нет бедных домиков, нет пасущихся грустных стад. Через каждые триста – пятьсот метров мелькают то автомойка, то автомастерская с большими территориями, обнесенными забором. И на мойках, и в мастерских на улице стоят раскуроченные новенькие «мерседесы», «ауди», «тойоты» и даже «лексусы».

«В Албании так развита система автосервиса?» – спрашиваю у Лили. «О, еще как развита, – усмехается она. – Это очень прибыльное дело – разбирать угнанные в Европе машины на запчасти. В Европе крадут, потом по поддельным документам сюда пригоняют, здесь или на запчасти разбирают, или номера перебивают, новые документы на машину делают и продают в той же Европе, в России их немало, таких...» «Мафия?» – спрашиваю почти шепотом. «Мафия, – соглашается Лиля. – Только тут об этом не надо шептать. Все всё и так знают и понимают...»

Некоторые историки полагают, что организованные преступные сообщества в Албании появились еще в пятнадцатом веке. Уже тогда банды албанцев, четко структурированные внутри, отличающиеся дисциплиной и жесткостью, беспрекословно подчиняющиеся главарям, протапывали криминальные тропы в Юго-Восточную Европу.

Так что не только Коза Ностра, Якудза или китайские Триады – традиционные преступные объединения.

Если же вернуться в современность, то считается, что первые албанские ОПГ появились в странах Европы в восьмидесятих годах прошлого века. Тогда бандиты из страны бункеров начали подминать под себя такие сферы криминальной экономики, как контрабанда табака и алкоголя, торговля «живым товаром» и контроль за проституцией, рэкет и, как мы видели, кражи автомобилей.

После смерти Энвера Ходжи и развала созданной им системы самоизоляции Албании ящик Пандоры раскрылся и албанская мафия пустилась во все тяжкие. К ее неблагоприятным занятиям добавились похищение людей, торговля человеческими органами (ох, не хотел бы я заблудиться и остаться один в этой стране) и почти полный контроль за торговлей наркотиками на Балканах и в соседних странах, а также в Германии и Швейцарии.

Как утверждают специалисты, штаб-квартиры преступного сообщества действуют в Албании, Косове, Македонии. Официально признано, что подразделения албанской мафии активно «работают» практически во всех европейских странах и США.

В 1999 году, когда в Косове местные албанцы убивали сербов, разбирали сербских детей, молодых женщин и мужчин на органы, которые затем переправляли в Европу и Америку, комитет Сената Соединенных Штатов признавал, что так называемая «Армия освобождения Косова» финансируется албанским преступным сообществом. Но поддерживать бандитов, представители которых сейчас и правят в Косове, американцы не прекратили тогда, не прекращают и сегодня.

И что же они теперь имеют, эти американцы и их союзники? Албанский язык активно учат сотрудники Интерпола и ФБР, полицейские во всей Европе. А как иначе противостоять албанской мафии?

А ведь предупреждал своих покровителей один, как считают, из лидеров албанских бандитов, командующий Армией освобождения Косова, а ныне премьер-министр Косова Хашим Тачи! Он же вещал в перерывах между убийствами мирных сербов: «Скоро вся Европа должна будет выучить албанский!» Вот и учат...

При такой репутации албанцев в мире и при достаточно высоком уровне коррупции в стране Албания активно стучится в двери Европейского сообщества! И что самое забавное – европейские чиновники эти двери Албании открывают! 24 июня 2014 года в Брюсселе было вынесено решение Совета ЕС о предоставлении стране статуса кандидата на вступление в Европейский Союз.

Правда, Великобритания, которая тоже страдает от албанских бандитов и жуликов, заявила при этом, что если между Албанией и ЕС не будут созданы миграционные барьеры, то она однозначно заблокирует вступление ее в ЕС.

Британцы забыли, наверное, что еще 8 ноября 2010 года ЕС дружно проголосовало за введение безвизового режима для албанцев, желающих посетить страны Европейского Союза «с туристической целью»! То есть албанцы, которые хотели проскочить «миграционные барьеры», уже давно их проскочили!

... Совсем не хочу сказать, что вся Албания, весь албанский народ – это мафия. Нет!

Мельком, но мы видели, как трудятся люди в Албании на полях, видели трудолюбивых официантов, таксистов, даже актеров видели – об этом речь впереди – и полицейских. Албанцы строят дома, морские терминалы, перерабатывающие сельхозпродукцию предприятия и дороги.

Но... точно никто не знает – насколько авторитетны сейчас в Албании их традиционные этнические преступные структуры. Говорят, что от мнения представителей албанской мафии зависит многое в этой стране. Так ли это и будет ли так и дальше, кто знает...

Ну, а мы движемся к Дурресу. Авторазборные мастерские сменяются шикарными сервисными автоцентрами. Большинство из них – центры «Мерседес».

«Почему именно «Мерседес?» – спрашиваю у нашего гида. «Не могу этого объяснить, но каждый считающий себя успешным в этой жизни албанец стремится купить автомобиль именно этой марки. Для меня это за гранью разумного. Но, видимо, обладание «Мерседесом» что-то значит в албанском обществе», – отвечает Лилия.

Дуррес – один из самых старых албанских городов. Он был основан в 627 году до нашей эры греческими колонистами с острова Корфу и быстро стал развиваться. Еще бы ему не развиваться: удобная и большая морская гавань, окруженная высокими скалами, со стороны суши вра-

ги к нему не подберутся – там были сплошные топкие болота. Затем – после греков – городом владели иллирийцы, побывала здесь и уже известная нам царица Теута, которая именно у этого города проиграла битву с римлянами.

В этом городе жил в изгнании древнеримский политик и оратор Цицерон, удаленный из Рима в результате интриг. Именно здесь произошла знаменитая битва между Помпеем и Цезарем в 48 году до нашей эры. А император Октавиан Август поселил в этих местах своих легионеров, вышедших на пенсию.

Был Дуррес важным торговым центром во времена Византийской империи...

Поэтому археологических древностей в Дурресе хватает: старинные крепостные стены, древнеримская улица, византийская крепость. Античные бани опять же. Здесь еще и великолепный археологический музей.

Надо отдать должное албанцам – на всех этапах их нелегкой новейшей истории они эти ценности берегли.

В девятнадцатом веке Дуррес дважды успел побывать столицей Албании – в 1913 году и с 1918 по 1920 год. В двадцатых годах прошлого века в Дуррес активно вкладывались итальянцы. С помощью итальянского капитала здесь был построен современный порт. Итальянцы как в воду глядели, вкладывая в порт деньги, – ведь во время Второй мировой войны – в 1939 – именно они аннексировали Дуррес. Но ненадолго. В 1943 году немцы отнимают город и порт у своих союзников. А когда нацистов оттуда прогоняют, они взрывают портовые причалы, терминалы, подъездные пути и все остальное, уничтожают жилые дома. Дуррес превращается в груды развалин.

Возрождению город обязан Энверу Ходже. Именно по указанию Ходжи Дуррес отстраивают заново, порт, кстати, с помощью СССР, реконструируют, проводят первую в стране железную дорогу, строят большие заводы. После смерти вождя албанского народа Дуррес переименовывают в «Дуррес – Энвер – Ходжа». Сейчас название города вновь сокращено до привычного «Дуррес».

После того как Албания открывается миру, порт Дурреса модернизируется с помощью итальянцев. И снова город и порт чуть опять не впадают в вечный сон. Дело в том, что в середине девяностых годов албанские «Мавроди» замутили в стране грандиозную финансовую пирамиду. И когда в 1997 году эта пирамида рухнула, то под своими обломками похоронила всю экономику страны. Последствия были ужасны.

Государство просто не могло ничего сделать, чтобы успокоить людей и элементарно помочь им выжить.

И тогда, чтобы спасти порт и город от разграбления мародерами, в Дуррес, как и в другие албанские города, вошли итальянские миротворческие войска. Только так удалось спасти страну от самоуничтожения.

Сейчас центр Дурреса представляет собой удивительное смешение современных зданий и старых домов, еще довольно крепких, но заброшенных – с выбитыми окнами и дверьми. Возможно, это и есть память о беспорядках и кризисе конца девяностых.

У линии порта Дурреса стоит высокая новая стильная башня местного бизнес-центра. На самом ее верху небольшой ресторан и смотровая площадка. Отсюда видны почти весь город и порт, невероятно синее Ионическое море.

После долгого пути решаем выпить по маленькой бутылочке пива. Мальчуган-официант приносит нам запотевший от холода «Хайнекен» и счет.

Глотнув пива, я взглянул на счет и поперхнулся. Эта маленькая бутылочка стоила здесь как самая большая кружка ровно такого же пива где-нибудь в стокегольском кабачке. Подумав, что это ошибка, пошел разбираться к мальчику-официанту. Оказалось, что все правильно, такие уж цены в этом высотном ресторане.

Я извинился, улыбнулся парню и собрался уже уходить, когда он спросил меня на плохом английском: «Вы откуда?» – «Из России». Он сморщил маленький носик: «Россия? Россия плохо!» – «Россия плохо?» – удивился я. – А какая страна хорошо?» «Италия хорошо. Германия...» – ответил он и потерял ко мне всякий интерес.

Глупо было рассказывать этому малышу, что над восстановлением порта и на строительстве в Дурресе заводов трудилось в пятидесятые годы прошлого века немало советских специалистов. Он этого не знает и, вероятно, не хочет знать. В России, кстати, тоже мало кто помнит, какую помощь – специалистами, техникой, продуктами, вооружением – после Второй мировой войны мы оказали Албании...

У бизнес-центра Дурреса стоят памятники албанским патриотам, героям и воинам – и в полный рост, и бюсты. И тут же у небольшого газона приютилась замечательная скульптура: на скамеечке сидит – нога на ногу – грустный Джон Леннон и что-то наигрывает на гитаре. Если придется побывать в Дурресе – найдите эту скульптуру и передайте привет Джону от меня...

*Тирана.
Памятник
национальному герою Албании
Скандбергу*

СОН ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. ВПЕРЕД НА ТИРАНУ!

Лилия внимательно оглядела нас: все ли вернулись – и прошептала в микрофон: «Вот сейчас мы будем брать Тирану. Вперед!..»

Наш автобус выехал на автобан, и мы понеслись по нему в сторону албанской столицы.

Путь шел вдоль белоснежных песчаных пляжей на берегу волшебного моря. «Участки на этой прибрежной территории сейчас стоят очень дешево. Албанское правительство пытается привлечь инвесторов для развития туристической отрасли. А вот именно эту прибрежную полосу от Дурреса до Тираны хотят сделать единым кластером, где будет все, что может пожелать для себя современный турист. Но пока дела движутся не очень, если честно», – объясняет Лилия.

Как на пути в Дуррес, так и сейчас по дороге в Тирану мы не раз видели небольшие отели, что построены буквально в чистом поле. Стоит такой маленький симпатичный домик с надписью «HOTEL», а рядом ни автостоянки, ни бассейна, даже ограды нет. Прямо у зеркальных дверей гостиницы пасутся, меланхолично пережевывая жвачку, козы.

Лилия объясняет: «Албанцы очень надеются, что туристический бум все же когда-нибудь накроет страну, и вкладывают свои деньги в строительство гостиниц. Но денег у местного населения не

так много, чтобы строить полноценно комфортабельные прибежища для туристов».

Чем ближе к Тиране, тем помпезнее становятся отели, построенные вдоль дороги. Вот проплывает перед нами почти готовый роскошный отель «Византия», чем-то напоминающий огромный собор. По бокам в стены «Византии» вделаны гигантские скульптуры.

«Обратите внимание, – продолжает наша главная по Албании. – Какой разброс архитектурных стилей. Здесь нет единого плана застройки. Дело в том, что богатые албанцы, познакомившись с европейскими соборами, замками, отелями и другими зданиями, стараются построить свои гостиницы и дома так, как им понравилось в Европе. Отсюда некий архитектурный хаос...»

Возвращаясь к развитию туризма в Албании. Нынешнее руководство страны действительно хочет привлечь сюда туристов. Но... из полутора миллионов туристов лишь 236 тысяч останавливались в отелях. Основной поток приезжих идет из Косово, Македонии, Греции, Италии и Черногории. То есть оттуда, где проживают многочисленные диаспоры албанцев. Вот они-то и едут к себе на историческую родину. А зачем им отели, если родственные связи у албанцев весьма крепки и они могут переночевать в домах своей родни?

Почему же не едут настоящие туристы в достаточном количестве?

В «Википедии» я прочитал ответ, который меня удовлетворил, так как это вполне сообразуется с тем, что я видел собственными глазами: «...развитие туризма в стране сдерживается многими факторами, такими как низкое качество дорог и коммунального хозяйства, несанкционированные свалки, незаконное строительство и браконьерство, неурегулированные права собственности на земельные участки...»

Мы въезжаем в Тирану. «Голодные? – сочувственно спрашивает нас Лиля. – Ничего, сейчас поедем покушаем. Но вот что я вам скажу... Вы, конечно, можете мне не верить, но самостоятельно искать место, где вы можете пообедать в Тиране или в другом албанском городе, я бы вам не советовала. С санитарными нормами здесь, – она поморщилась, – не все в порядке. Поэтому будет лучше, если мы поедем в проверенный ресторан. Уверю – там вкусно и безопасно.»

Итак, Тирана. Считается, что город был основан в 1614 году знатным турком, которого звали Сулейман Паша Баргийни. Этот самый Сулейман сразу построил здесь все, что, по его мнению, нужно было для нормальной жизни, а именно: бани, мечеть, пекарню и торговые лавки. Естественно, когда появились жители, то тут же в Тиране возникает и еще пара необходимых элементов городского быта: полиция и тюрьма.

Если на вопрос, когда и кто основал нынешнюю столицу Албании, какие-никакие ответы имеются, то почему Паша Баргийни назвал Тирану Тираной – загадка. Есть лишь версии. По одной из них, основатель таким образом хотел увековечить память о победоносном походе османского войска против персов и первоначально назвал поселение «Техеран», а уже потом местные жители сократили название до «Тиран». Именно так называется и сейчас город по-албански, это мы привыкли говорить «Тирана».

Есть еще одна версия происхождения этого названия. Оно якобы произошло от греческого слова «Tyros», что в переводе читается как «молочное место». Ну, если вспомнить, что албанцы на той равнине, где выросла Тирана, издавна занимались скотоводством, то версия имеет право на существование.

Но есть ученые, которые полагают, что название города имеет корни иллирийские. По-иллирийски «Tyron» – «те, кто спустился с гор». Но кто именно с гор спустился и зачем они спустились – этого ученые нам не поясняют...

Вот и ресторан! Он находится прямо в центре Тираны и действительно очень солидный. Нам отвели обеденный зал на втором этаже. На стенах зала – гобелены, на которых изображены албанцы и албанки в традиционных национальных одеждах, а также любовно выписан какой-то орнамент из плодов и цветов.

Перед обедом в цивилизованном обществе принято мыть руки. И тут выяснилось, что в ресторане нет воды! «Это здесь бывает, – спокойно прокомментировала Лия. – Я попросила, туалет сейчас откроют, там ведерочко стоит с водой, пользуйтесь. Пока хоть так. Не удивляйтесь...»

Но обед в ресторане был великолепен. Все блюда очень вкусные и свежие. Да и вода в туалетах появилась к окончанию нашей трапезы...

И пошли мы гулять по Тиране! А любая прогулка по этому городу, который был многие годы скрыт от глаз иностранцев, начинается с площади Скандберга.

В центре этой площади стоит памятник самому Скандбергу – национальному герою Албании: на гранитном постаменте суровый огромный мужчина на жеребце, бьющем копытом постамент, с саблей в руках, а на голове его – шлем с козыми рогами. Памятник был установлен на площади в 1968 году по повелению Энвера Ходжи. Сменил бронзовый Скандберг на этом месте бронзового же Иосифа Виссарионовича Сталина, которого Ходжа очень уважал, но отметить пятистолетие со дня смерти народного албанского героя, о котором сложены песни и легенды, он иначе, видимо, не мог.

Скандберг на самом деле звался Георги Кастариоди. Жил он в пятнадцатом веке и воевал с турками за свободу Албании больше двадцати лет. Происходил из старинного княжеского албанского рода и был отдан своим отцом турецкому султану Мураду Второму как заложник.

Будучи у турков, он принял ислам и стал зваться Искандер-бей. Вот это его второе имя современники и переделают чуть позже в прозвище Скандберг. Ислам-то он принял, но албанцем быть никогда не переставал.

И как только избавился Скандберг от плотной опеки османов, так сразу и поднял против них восстание. Кстати, когда он это восстание поднял – от ислама и отрекся, принял христианство. Новый албанский вождь объединил местных князей, заключил союз с Венецией и стал громить турков по всем фронтам. Итогом бурной деятельности Скандберга стало признание его турками правителем Албании. И когда окончательная победа над османами была

уже почти у него в руках, Скандберг умирает от малярии. Его мавзолей мы видели, проезжая уже на пути из Тираны мимо города Леже.

А турки, радуясь такой неожиданной удаче, вновь захватили полный контроль над Албанией на многие годы...

В восемнадцатом веке в России вышла книга, посвященная албанскому патриоту. Называлась она «Повесть о Скандберге, княжати Албанском». Вон куда докатилась слава о нем!

На памятнике в Тиране – да и не только в Тиране, в других албанских городах, а также в Косове и Риме – албанский богатырь изображен в шлеме с козыми рогами. Шлем этот, кстати говоря, сохранился и сейчас находится в Вене, в музее.

А вот при чем здесь козы рога? Дело в том, что однажды загнали турки Скандберга высоко в горы, обложили со всех сторон и надеялись, что погибнет он там с голоду. Но не тут-то было! Хитроумный албанец поймал дикую козу, что прыгала по крутым утесам, и питался ее молоком, пока турки не потеряли терпение и не ушли восвояси. Вот с тех пор у него на шлеме и красовались козы рога...

А Лена и я с нашим земляком Андреем все еще прогуливаемся по главной площади Тираны, да и всей страны, пожалуй.

Эта площадь – как срез истории последних трех веков таинственного государства. С одной ее стороны – красивая старинная мечеть Этембей. Построена она в начале девятнадцатого века и чудом сохранилась в период разгула полного атеизма при Энвере Ходже. Рядом – ровесница мечети – красивая тридцатипятиметровая башня с часами. Все такое уютное, небольшое. А за спинами мечети и часовой башни, как слон в посудной лавке, давит их своей громадой несуразное сооружение – Международная гостиница. Несуразность и нелепость небоскреба – самого высокого здания Албании, между прочим – ощущается, когда смотришь на этого монстра со стороны изящных небольших особнячков – комплекса правительственных зданий, которые выросли полукругом на площади в двадцатых годах прошлого века. Ведь именно в 1920 году Тирана стала столицей Албании. А в 1928 году албанский король Зогу Первый нанял архитектора-итальянца, чтобы он построил для албанских министерств эти дома.

На площади Скандберга есть и архитектурные памятники некогда тесной дружбы Албании с Советским Союзом. Это Оперный театр (эдакий мини-дворец съездов) и Национальный музей. Построены эти два здания абсолютно в советском сти-

ле. А на музее еще и огромная мозаика, изображающая счастливых албанцев, бодро шагающих в светлое будущее. Хотя мне она понравилась, эта мозаика: яркая такая, бодрая, позитивная.

СОН ПЯТНАДЦАТЫЙ. КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ЭНВЕР ХОДЖА?

Вот тут прямо мистика какая-то. «Я хочу посмотреть Пирамиду Энвера Ходжи», – сказал нам Андрей.

Я тоже хотел посмотреть Пирамиду Энвера Ходжи. Но вся беда была в том, что мы даже примерно не знали, где эта Пирамида находится. А Лили рядом не было, и обратиться к местным жителям или полицейским не представлялось возможным по причине полного незнания нами албанского языка. И английский язык здесь знает далеко не каждый. Тем не менее мы не сговариваясь повернули на широкий бульвар, что шел от площади Скандберга куда-то в глубь столицы, и пошли, совершенно наобум, искать эту достопримечательность.

Мы шли по тенистому бульвару мимо огромного красивого парка. То, что бульвар был тенистый, нас несказанно радовало, поскольку жара стояла невероятная. Прошли мимо печального старика в традиционной албанской шапке, который продавал открытки и зажигалки, мимо пузатого серьезного полицейского, мимо двух задумчивых мамаш с колясками...

На улицах, которые мы могли видеть сквозь листву, здания в стиле «сталинский ампи́р» стояли впоремешку с современными домами. По газонам парка гуляли счастливые парочки и семьи с детьми.

И тут я увидел, что прямо рядом с нами снимается кино! Да-да, это были настоящие съемки. Стояло на траве четыре или пять телевизионных камер, были развернуты светоотражатели, ровный свет обеспечивали мощные прожекторы, которые делали этот солнечный день просто невыносимо ярким.

Снимался фильм, как я понял, о любви. В плетеном кресле сидела албанская – совсем молоденькая – красавица, одетая в белое платье, а вокруг нее кружились и щекотали подружки. Тут в кадр вошел, возможно, герой-любовник в футболке в обтяжку, узких джинсиках и кроссовках, принялся что-то горячо говорить девушке и даже попытался ее поцеловать. Но, видимо, страсть его киношная была недостаточно натуральной, поскольку тут же раздался гортанный возглас режиссера и он сам выскочил на съемочную площадку. Режиссер был очень похож на актера, иг-

рающего героя-любownika: тоже в футболке, обтягивающих джинсах и кроссовках, только немного постарше. Что-то объяснил главным героям сцены и тут же убежал за камеры. Съемка продолжилась. А мы пошли дальше.

И тут я увидел ее – Пирамиду Энвера Ходжи! Она была слева от нас и издали выглядела вполне величественно. Но это только издали. Вблизи это оказались почти руины. Как мы так на нее вышли, не зная дороги, – загадка...

Энвер Ходжа. Албанский правитель, руководитель центрального комитета Албанской партии труда, главнокомандующий вооруженными силами Албании и создатель марксистского движения «ходжаизм» родился на юге страны в 1908 году в городе Гирокастра, который тогда принадлежал Османской империи.

Кстати, до сих пор на юге Албании у этого политического деятеля есть немало сторонников – их называют «энверисты» – которые чтут его и заявляют, что «при Энвере был порядок». В девяностых годах прошлого века они даже устроили в Албании восстание, которое было силой подавлено.

Родился Энвер в довольно богатой семье, отец его торговал албанскими тканями в Европе, а мальчик во время разъездов папы оставался на попечении дяди.

Дядя этот, его звали Хисен, был яростным патриотом Албании и очень не любил власть эксплуататоров и внутреннюю политику албанского короля Зогу.

Племянник пошел в дядю, тоже заразился свободлюбивыми идеями и мечтал о равноправии всех албанцев. При этом благодаря отцу от голода и унижений сам он не страдал, имел деньги на развлечения и слуг. Ходжа получил хорошее образование, знал французский и турецкий языки, увлекался музыкой и театром, писал стихи.

В двадцать пять лет ему на глаза попадают работы Маркса, Энгельса и Ленина, которые Ходжа буквально проглатывает и заболевает революцией. К этому времени Энвер уже студент факультета естественных наук университета Монпелье во Франции.

Доучиться ему, правда, не придется – Ходжа отчислен из университета за свою приверженность социалистическим идеям.

Но с голоду ему родственники умереть не дают – помогают молодому революционеру устроиться секретарем албанского консульства в Брюсселе.

Молодой Энвер не успокаивается – он знакомится с выдающимися деятелями компартии Франции – Морисом Торезом, Луи Арагоном и Анри Барбюсом. Под их влиянием Энвер начинает

заниматься журналистикой, публикуется в газете французских коммунистов «Юманите». И именно в это время он знакомится с трудами Сталина, который останется его кумиром до конца жизни.

Энвер Ходжа считает, что именно такая партия, как сталинская ВКП (б), нужна Албании. В 1936 году он возвращается в Албанию и начинает строить такую партию. Энвер Ходжа становится весьма популярной фигурой среди албанских революционеров.

А в 1938 году, когда его ненадолго перебрасывают в СССР, он лично знакомится со своим заочным гуру – Сталиным. Энвер клянется ему, что создаст в Албании партию настоящих большевиков. Встреча с Иосифом Виссарионовичем, как Ходжа сам признавался, стала важнейшим событием в его жизни.

В 1939 году Албанию оккупируют войска Муссолини.

Ходже, который работал тогда учителем в школе, предлагают вступить в Албанскую фашистскую партию. Он отказывается, бежит от полиции и продолжает свою подпольную антифашистскую деятельность. За это итальянцы приговаривают Энвера к смертной казни заочно.

Но стойкий большевик-сталинец албанского разлива не прекращает своей борьбы – пишет статьи, прокламации и листовки, организывает сопротивление оккупантам на заводах, верфях, в портах, формирует партизанские отряды. Среди рабочих Энвер приобретает огромный авторитет.

Опытный подпольщик, он в Тиране открывает небольшую табачную лавочку, которая становится настоящим центром сопротивления итальянским фашистам.

В 1941 году Энвер уже командует всеми партизанскими силами в Албании. Албанские партизаны смотрят на него как на бога.

В 1942 году он вновь летит в Москву и вновь встречается со Сталиным. Ходжа обсуждает с ним ход военных действий в своей стране и обещает, что после разгрома фашизма – а в том, что это произойдет, он не сомневается – Албания пойдет по сталинскому пути.

Сталин и Ходжа в Москве говорят и о том, что в случае победы антигитлеровской коалиции Албания должна быть независимым и суверенным государством. Главком Советского Союза обещал, что так будет. И слово свое сдержал. На Потсдамской конференции в 1945 году Сталин разрушил планы Черчилля разделить территорию Албании между Грецией, Италией и Югославией и отстоял независимость маленькой балканской страны.

А Ходжа после возвращения из Советской России возглавляет Албанскую народно-освободительную армию, добивает фашистов в Албании, участвует в освобождении Греции, Македонии, Черногории и Косова. Верховным главнокомандующим он останется до самой своей кончины в 1985 году. А в 1944 году Энвер Ходжа стал еще и премьер-министром и одновременно министром иностранных дел страны.

Он был почетным гостем на Параде Победы в Москве, в 1947 году Сталин лично вручил ему орден Суворова за военные заслуги. Мне кажется, что албанский лидер эту награду заслужил.

Советский Союз сразу после Второй мировой посылает в Албанию целые морские караваны с оборудованием для заводов, с продовольствием, автомобильной техникой и медикаментами. Страну наводнили советские специалисты, а собственно албанских специалистов в различных областях – от геологии и медицины до военного дела – стали готовить советские вузы.

Сталин дарит Ходже два автозавода: в Тиране советские инженеры строят дубликат ЗИСа, в Дурресе – дубликат ЗИМа.

«Сталин и Советский Союз – наши спасители и товарищи. Мы, албанцы, клянёмся вам в вечной дружбе и преданности», – говорит Энвер Ходжа и слово свое держит до самой смерти вождя всех народов.

Практически одновременно со Сталиным Энвер Ходжа в 1948 году разрывает отношения с Югославией и ее лидером Иосипом Броз Тито, поскольку считает его предателем дела борьбы за коммунизм. В Албании разворачивается кампания «борьбы с врагами народа и агентурой Тито». Если кого-то в этом подозревали, то могли упечь в тюрьму на тридцать лет! Но в это же время Энвер Ходжа укрепляет связи с Китаем, ГДР, Вьетнамом, Румынией. Чехословакией.

Но вот Сталин умирает...

Энвер Ходжа, уже опытный политик, понимает, что в Советском Союзе после смерти его кумира все будет уже не так, как прежде. Что возможен переворот. Что, возможно, его, как ревностного последователя Иосифа Виссарионовича, захотят просто убрать.

И он, сказавшись больным, не едет в Москву прощаться со своим учителем. Кстати, на похороны Сталина не приехал и Мао. Вероятно, у китайского Великого Кормчего тоже были какие-то нехорошие предчувствия...

С Никитой Хрущевым у Энвера Ходжи как-то не задалось. Новый советский лидер попытался провести «десталинизацию» Албании. Те из албанских коммунистов, кто попал под влияние «хрущевской пропаганды», были быстро и жестоко

репрессированы вместе со всеми домочадцами.

В ответ на развенчание в СССР культа личности умершего вождя Энвер Ходжа к восьмидесятилетию генералиссимуса учредил в Албании орден Сталина.

Уважение к личности Сталина в Албании сохранялось до конца восьмидесятых годов. Его именем был назван город Кучова, его дни рождения и дни смерти отмечались официально.

Вот тоже факт, о котором как-то не говорят: когда в 1986 году в СССР умер ближайший соратник Сталина Вячеслав Молотов, в стране был объявлен национальный траур. Да и великое прощание с Энвером Ходжей в 1985 году состоялось в Тиране во дворце имени Сталина.

В 1959 году Хрущев поехал в Албанию, чтобы уговорить Ходжу не дурить и идти в русле политики КПСС. Все закончилось скандалом, полным разрывом отношений и потерей Советским Союзом крупной военно-морской базы на Адриатике. А в Албании появились новые «враги народа», которые не хотели ссоры с СССР. Их обзывали «хрущевцами».

Одновременно Энвер Ходжа задружился с Мао Цзе Дуном. Собственно говоря, это и было началом почти полной изоляции Албании от остального мира. Ходжа поддерживал отношения – экономические и политические – лишь с КНР.

В 1968 году Энвер Ходжа резко осудил Советский Союз за ввод войск в Чехословакию и в знак протеста вышел из организации Варшавского договора.

Но и с Мао у Энвера какая-то беда вышла как раз в конце шестидесятых. Китай решил нормализовать отношения с Западом, а Ходже это не понравилось. Он разорвал отношения и с Китаем. Тех своих соратников, кто выступал против разрыва с Китаем, он объявил «бандой оппортунистов и наймитов Запада» и стал потихоньку их расстреливать. Занимался он этим вплоть до своей смерти. А страна оказалась в самоизоляции. Вот тогда и появились первые бунтеры на просторах Албании.

В 1976 году Албания объявила курс на полное самообеспечение продовольствием, медикаментами и оборудованием. Совсем это, конечно же, не получилось.

Ходжа подружился со своим румынским коллегой Чаушеску. Через Румынию Албания вновь стала торговать с социалистическими странами, даже немножко с Югославией, но не с Советским Союзом и не с Западом. Это были лишь торговые отношения – политические же отношения так и не возобновились.

Вот еще что интересно: несмотря на разрыв отношений почти со всем миром, Энвер Ходжа начинает ненавязчиво искать контакты с Францией. Дело в том, что албанский лидер почему-то увидел в легендарном президенте Французской

Республики де Голле родственную душу. Де Голль тоже не брезговал иметь отношения с Ходжой. Это даже вылилось в некое военное сотрудничество. Ненадолго, правда.

Где-то в начале восьмидесятых годов Энвер понимает, что без прямых хотя бы торговых отношений с другими странами Албании не выжить. Он дает добро на возобновление торговли с Югославией и Китаем, Восточной Германией, Ираном и даже со Скандинавскими странами. Но, опять же, не с СССР. Советская страна по-прежнему считается главным врагом Албании.

Некоторые источники указывают на то, что Советский Союз дважды – в 1978 и в 1983 годах – предлагал Албании вновь задружиться. Но Энвер Ходжа так и не простил Стране Советов охаивания его политического учителя – Сталина и не согласился на мировую.

Ненависть к Москве у Ходжи была так велика, что даже когда он умер в апреле 1985 года, его соратники демонстративно отправили обратно телеграмму соболезнования из СССР. Также из Тираны были отправлены без прочтения соболезнования от Югославии и Китая. Приняты были только телеграммы от Фиделя Кастро, Чаушеску и Ким Ир Сена.

А на сами похороны Ходжи были допущены лишь делегации из «истинно марксистских стран»: Северной Кореи, Кампучии, Вьетнама, Румынии, Кубы, Лаоса, Никарагуа, народно-демократического Йемена, Ирака и Ирана.

Такой вот странный список...

А как же жил албанский народ под управлением Энвера Ходжи? Восстаний не было. Да что восстаний, любое проявление недовольства или даже сомнения в правильности курса великого албанца тут же фиксировалось его мощной тайной полицией – «Сигурими» – и вольнодумцы исчезали в тюрьмах или их просто казнили.

Кто еще мог попасть в списки «врагов албанского народа»? Ну, например, те, кто вдруг послушал где-то рок-музыку, хоть однажды надел невесть откуда попавшие в страну джинсы, воспользовался зарубежной косметикой...

Деньги в Албании того периода значили немного: официально был внедрен товарообмен, особенно между городом и деревней. Гражданам социалистической Албании было запрещено иметь дачу и автомобиль... Но при этом Энвер Ходжа отменил всяческие привилегии для чиновников. Более того, в восьмидесятых годах зарплата аппаратчиков периодически снижалась, а пенсии, пособия, оплата труда крестьян и рабочих повы-

шались. С середины семидесятых годов регулярно объявлялось о снижении цен на продукты и товары первой необходимости, был отменен подоходный налог. В год своей смерти Ходжа отменил налог на холостяков и малосемейных граждан...

Когда Албания открылась миру, а это произошло далеко не сразу после смерти Энвера, то мир увидел страну, очень сильно отставшую от остальных стран в техническом отношении (даже обычный телефон в Албании был редкостью), страну с отчаянно бедными людьми...

И вот мы стоим в Тиране, в центре ее, у Пирамиды Энвера Ходжи. Это действительно пирамида, отделанная белым мрамором. Когда-то это здание было, наверное, очень красивым и даже, если можно так сказать, стильным. Сейчас Пирамида Ходжи производит впечатление совершенно заброшенного здания. Стены покрыты граффити и какими-то плакатами, ступени, что тоже сделаны из белого мрамора, полуразвалены. Наверху Пирамиды установлены антенны и рекламные плакаты.

Почему-то многие считают, что Пирамида Ходжи – это место, где албанского руководителя похоронили, что это – его мавзолей. Нет. Это сооружение было построено уже после смерти вождя всех албанцев и называлось оно «Музей Энвера Ходжи».

Открыли Пирамиду в год 80-летия Энвера – в 1988 году – его дети. Первоначально в залах Пирамиды размещалась экспозиция, рассказывающая о жизненном пути человека, многие годы правящего Албанией. Сейчас экспозиция демонтирована. Говорят, что албанские власти хотят сделать в Пирамиде самую большую в Европе дискотеку.

А тем, кто до сих пор думает, что Пирамида была построена как место последнего упокоения Ходжи, могу сказать: сначала Энвера похоронили на кладбище Павших Героев нации в Тиране. А затем – в 1992 году – его прах тихо перенесли на окраину города, на обычное общественное кладбище.

Андрей, стоя перед полуразрушенной лестницей в Пирамиду, вдруг показал куда-то рукой: «Смотри, колокол. Интересно, зачем он здесь?»

И правда, рядом с лестницей я увидел небольшой колокол на постаменте. Уже приехав домой, прочитал в Интернете, что он называется Колокол Мира и отлит из пуль и гильз, что собрали школьники Тираны на улицах города после событий 1997 года. Помните, когда финансовая пирамида чуть не уничтожила Албанию как государство. Усмирять возмущенных людей тогда пришлось полиции и войскам. Они стреляли в людей на улицах Тираны именно этими пулями, из которых и отлит Колокол Мира...

**СОН ШЕСТНАДЦАТЫЙ.
«АЙ, ДА КУПИШЬ, РУССКИЙ, АЙ, ДА КУПИШЬ!»
И КОРОВИЙ КОРДОН НА ГРАНИЦЕ**

Уставшие от впечатлений и блужданий по Тиране, мы сидим в самом центре столицы Албании и пьем холодное вкусное местное пиво. И тут я вспоминаю, что забыл купить брелочки с албанской символикой для своей коллекции, и сильно печалюсь об этом. Как раз в это время во дворике бара, где мы приземлились, показывается стайка мальчишек лет шести-семи. Черненькие, очень шустрые, они держат в руках коробочки, в которых позвякивают брелоки, о которых я только что вспоминал, а также магнитики, ручки и значки.

«О! – говорю я. – А вот и брелочки!»

Еще не догадываясь, что совершаю роковую ошибку, подзываю к себе одного из малолетних торговцев.

Он подбегает и сует мне прямо под нос свой товар. Я выбираю пару брелоков, даю чумазому продавцу четыре евро и поворачиваюсь обратно к столу, решив, что товарно-денежные отношения с представителем малого албанского бизнеса завершены. Но не тут-то было!

Чумазый бизнесмен все еще стоит рядом и настойчиво сует мне в руки коробочку с остальными побрякушками. Услышав, вероятно, на каком языке мы говорим, он уговаривает меня по-русски: «Ай, да купи, русский! Ай, да купи!» Я отрицательно машу головой. Мальчуган подзывает к нашему столику всю компанию, и теперь уже они вразнобой очень громко кричат: «Ай, да купи, русский!» и протягивают мне свои коробочки. Мы оказались в плотной громогласной осаде. И когда уже спасения, казалось, не было и я уже мысленно смирился, что придется у каждого из этих башибузуков что-нибудь приобрести, подъехал наш автобус.

Мы, как были в окружении мальчишек, так в этом окружении и кинулись к спасительно открытым дверям. По мере того как мы продвигались вперед, громкие просьбы «Ай, да купи!» сменились на требование, почти угрозу: «Ай, да купишь, русский! Ай, да купишь!» Становится неуютно.

Наконец добрались до автобуса и быстро шмыгнули в салон. Но бродячий базар малолеток бушевал под нашими окнами до тех пор, пока автобус не тронулся.

По пути из столицы Албании на границу проезжаем мимо единственного в стране международного аэропорта имени Матери Терезы.

Аэропорт совсем маленький, чем-то напоминает аэропорт «Бесовец» в Петрозаводске. На стоянке у взлетной полосы скучают три стареньких

лайнера с эмблемой «Albanian Airlines» – местной авиакомпании.

Вдруг Лиля хватает микрофон: «Смотрите, такого отеля вы еще не видели! Это, друзья, на самом деле отель!» И мы видим фюзеляж настоящего огромного «Боинга», обрезанного где-то в районе крыльев, со вставленными вместо иллюминаторов окнами. «Говорят, что этот отель здесь открыл бывший личный пилот Энвера Ходжи. Потом он его продал, но через какое-то время этот отель-самолет выкупил сын пилота, который долгое время жил за границей и теперь им владеет», – объясняет нам Лиля.

Едем по ухабистой дороге в сторону Черногории. Лиля говорит, что если все хорошо сложится, то мы будем дома совсем не поздно. Но когда до пограничного КПП осталось где-то с километр, она вдруг погрузилась. «Ничего не понимаю, – растерянно произносит она. – Что там происходит на границе, как-то здесь очень много машин...»

Теперь и мы замечаем, что машин на дороге значительно прибавилось. Наш водитель скидывает скорость, и мы почти ползем по небольшой деревне, что расположилась в полутора километрах от албанско-черногорской границы. На обочинах стоят молчаливые мужчины и женщины.

Наконец мы останавливаемся, уткнувшись в корпус стоящего впереди джипа. И тут мы видим причину образовавшейся на границе пробки. Единственную ухабистую трассу на Черногорию перегородило огромное стадо коров! Наверное, мы попали сюда как раз в то время, когда они возвращались с пастбищ домой. Тогда и стало понятно, чего – точнее кого – ждали молчаливые люди на обочинах. Они ждали своих животных! Коровы прошли дорогу тремя колоннами и совсем не торопились уходить с нее.

Несмотря на то что некоторые водители нервно библикали, рогатые не собирались покидать проезжую часть. Их хозяева тоже ничего не предпринимали, чтобы увести домашних зверей в родные стойла. Так прошел почти час.

Несколько молодых бычков подошли к автобусу и стали с любопытством разглядывать нас в окна. Один из них даже пытался пободаться с нашей машиной. Ощущение не из приятных...

Наконец коровы медленно и важно сошли с дороги и движение в сторону границы возобновилось. Уже видны огни пограничного пункта. Вот еще немного, и мы уже въезжаем на стоянку у границы.

Быстро пьем кофе и переезжаем на черногорскую территорию.

Такое впечатление, что мы вернулись в другой мир...

СОН СЕМНАДЦАТЫЙ. СНОВА В ПУТЬ!

Босния и Герцеговина... Одно название этой страны почему-то с детства у меня вызывало некий трепет.

Очень изысканное, аристократическое какое-то название. Вы только вслушайтесь: Босния и Герцеговина...

Быть рядом с такой страной и не поехать туда – это же невозможно. Это обязательно надо было сделать – посетить Боснию и Герцеговину. И мы с Леной туда поехали.

По тому времени, каким мы располагали, и по тому, что я там хотел увидеть, нам предложили следующий маршрут: граница Черногории – Требинье – Мостар – граница Черногории. Лену и меня это вполне устроило.

Надо сказать, что я даже испытал некую радость, когда увидел у нашего автобуса Лилию. Ту самую Лилию, с которой мы колесили по Албании.

«А вот и вы!» – тоже с явным удовольствием проговорила Лилия.

Откуда же взялось это название страны, так ласкающее мой слух? Происходит оно от названия реки Босна, что протекает в современной Боснии, и титула «Герцог», которым наградили в пятнадцатом веке воеводу Стефана Вукшича Косача, боснийского дворянина.

Этот Стефан (сербы называют его Степаном) в начале пятнадцатого века владел этими землями в самом центре Балкан. Муж был отважный и воинственный. Именно он объединил народы, живущие на этой территории, в единое государство. Хотя потом, после его смерти, страну завоёвывали турки и правили ею больше ста лет.

А вообще-то, в шестом веке нашей эры нынешние земли Боснии и Герцеговины населили славяне, которые жили здесь мирно и счастливо до прихода османов. Затем страна оказалась под властью Австро-Венгрии, потом – после Первой мировой войны – в составе Королевства Югославия.

В 1941 году фашисты, что оккупировали Балканы, отдели Боснию и Герцеговину нацистскому по своей сути государству Хорватия.

Жителям Боснии и Герцеговины пришлось не по душе фашистский режим, и они с удовольствием помогали Народно-освободительной армии Югославии во главе с Броз Тито бороться с оккупантами.

В ноябре 1945 года Босния и Герцеговина вошла в состав Социалистической Федеративной Республики Югославия.

После распада этой страны именно здесь – в Боснии и Герцеговине – началась жуткая мясорубка, она унесла жизни тысяч людей. Это была, наверное, самая мрачная страница современной балканской войны...

Границу между Черногорией и Боснией и Герцеговиной мы проскочили так, что даже и не заметили, что она была.

«Это потому, что мы въехали на территорию Республики Сербской, – объяснила нам Лилия. – Если бы мы въезжали сюда с территории боснийцев, все было бы по-другому».

Вот тут надо объяснить, что современная Босния и Герцеговина состоит из двух республик: Республики Сербской, Федерации Боснии и Герцеговины, а также в составе этого государства есть еще маленький округ Брчко, который не подчиняется ни законам сербов, ни законам боснийцев. Он вообще сам по себе.

Государственное устройство Боснии и Герцеговины несколько необычно. Здесь нет ни президента, ни еще кого-либо, кто бы осуществлял единоличную исполнительную власть.

Есть некий триумвират, который состоит из представителей православных сербов, боснийцев-мусульман и католиков-хорватов. Эти трое называются «Президиумом Боснии и Герцеговины» и избираются своими соплеменниками и единоверцами на четыре года.

Сейчас в этой стране живут более тридцати процентов сербов – православных, пятнадцать процентов хорватов – католиков и более сорока процентов бошняков. Бошняки – это потомки сербов и хорватов, чьи прадеды приняли ислам под давлением османов.

Кстати, православных сербов в 1910 году было почти сорок четыре процента в Боснии и Герцеговине, но очень много их было убито в период великой балканской смуты конца двадцатого века...

Так вот, этот «Президиум Боснии и Герцеговины» решает вопросы внешней политики государства, назначает послов, выносит на обсуждение парламента бюджет страны, решает вопросы войны и мира. Хотя куда уж там, навоевались за последние годы...

Но даже не этот «Президиум» является реальным органом государственной власти. Все вопросы непосредственной жизни страны решает Совет министров, он – последняя инстанция в Боснии и Герцеговине.

А мы почти уже у Требинье, древнего и очень красивого города. Его название происходит от древнеславянского «Травуния» – так называлась эта земля в далекие времена.

«По городу вы еще успеете погулять, – говорит нам Лиля. – А сейчас давайте посмотрим на него с высоты. Уверю вас – ЭТО стоит увидеть...»

По узким улочкам мы поднимаемся все выше и выше и наконец оказываемся на горе, макушку которой венчает красивый, как игрушечка, православный собор. Рядом с ним еще какие-то здания. Весь комплекс окружен деревьями и ярко-зеленой под солнцем травой. Это нечто волшебное, нереальное.

«Вот мы и приехали на холм Црквине, – объясняет Лиля. – Посмотрите, что за чудо здесь выстроено. Это храм Благовещенья Пресвятой Богородицы. Видите, какая здесь гармония с природой?»

Гармония с природой такая, что все наши спутники, и мы тоже, просто молчим, потрясенные.

Лиля, воспользовавшись нашим потрясением, говорит, что этот храм – часть монастырского комплекса Херцеговачка Грачаница. Был такой древний сербский православный монастырь в крае Косово – Грачаница. Он был разрушен и поруган албанцами-мусульманами, когда они уничтожали там сербов. А сербы в честь поруганной святыни возвели в Требинье этот монастырь – Герцеговинскую Грачаницу, или, по-сербски, «Херцеговачку Грачаницу». Здесь хранятся древние иконы, вывезенные из Косова. Мы их позже увидели в специальной галерее, где поддерживается одна и та же температура, чтобы скорбные лики святых еще долго могли смотреть на мир.

Храм Благовещенья Пресвятой Богородицы был построен уже после югославской войны. Мы заходим в него. «Смотрите, – шепотом говорит Лиля. – Вот здесь, в этом притворе церкви, находится могила любимого всеми сербами человека: поэта и дипломата Йована Дучича. А вот здесь он изображен на иконе – видите?»

Действительно, на одной из икон рядом с Богородицей, держащей в руках тот самый храм, в котором мы сейчас стоим, изображен пожилой худощавый человек с короткой стрижкой седых волос. Чуть позже в самом Требинье мы увидим памятник знаменитому сербу.

Йован Дучич родился здесь, в Требинье, в 1871 году. Его отец погиб во время восстания против турок.

А сам будущий поэт получил отличное образование. Он изучал право в Париже, Женеве. Затем служил в сербском министерстве иностранных дел, был послом во многих странах мира. Так получилось, что он умер в США в 1943 году, но завещал похоронить себя в родном Требинье. Желание

это исполнилось только в 2000 году, когда его прах был перенесен сюда, в этот храм.

А поэтом он действительно был очень хорошим:

*В опустевшей церкви не слышать распева,
Только стынь и сумрак долгие недели;
И тихонько плачет в брошенном приделе
Бледная от горя Пресвятая Дева.*

*И за каплей капля по стене струится;
Лунный свет мерцает сквозь цветные стёкла,
Серебром холодным расстилаясь блёкло
Под ноги Пречистой, словно плащаница...*

(Перевод Олега Комкова)

Мы покидаем церковь и из ее прохлады попадаем опять в полуденное пекло. Лиля уже машет рукой и зовет нас к краю холма Црквине. Мы подходим к краю смотровой площадки и вновь замираем от восторга. Под нами, как торт на тарелочке, лежит весь Требинье!

В нем нет высотных зданий, поэтому он напоминает картинку из старой сказки, что помнишь с детства: красные черепичные крыши и белые стены домов, маленькие улочки, церкви...

«А вот смотрите, – просвещает нас дальше Лиля. – Видите реку, что пересекает Требинье? Она называется Требишница. А вон там, смотрите, главный мост города, мост Перовича, так звали его архитектора – боснийского серба. Он построен здесь в шестнадцатом веке и до сих пор в отличном состоянии».

Спускаемся в город и останавливаемся в самом его центре. Центр в Требинье замечательный! Мы прогулялись по совсем маленькому Старому городу, окаймленному крепостной стеной, где одна кафешка плавно перетекает в другую, и вышли на торговую слободу, то есть на торговую площадь. Здесь продается все – от свежих овощей до сувениров и картин. Купили в подарок родителям замечательные масляные миниатюры, изображающие водяные мельницы. За каждую просили десять евро. «Вы сами рисуете их?» – спросил я у старичка продавца «Сам рисую, да. А вы откуда? Из России?» – «Из России». – «Берите по восемь евро, Россия – сербам сестра...»

На минуту остановились у скорбного места – мемориала погибшим жителям Требинье в войне 1992–1995 годов. Фамилий много, сотни...

Рядом с торговыми рядами – огромное открытое уличное кафе, фактически вторая площадь рядом. Называется оно «Платани», поскольку обсажено шестнадцатью старыми, еще со времен Австро-

Венгрии, платанами. К открытому кафе ведут несколько тропинок. Но, кажется, некоторые посетители – совсем как в России – стараясь сократить путь к заветным столикам в тени деревьев, шагают прямо по газонам. У одного такого испорченного «на-родной тропой» газона табличка с призывом: «МО-ЛИМО ВАС! НЕ ГАЗИТЕ ТРАВУ!»

Чуть подальше от рынка я углядел старый дом, над одной из дверей которого висела большая вывеска: «ФРИЗЕРСКИ САЛОН «МОНА ЛИЗА», а чуть ниже на стене латиницей: «FRIZERSKI SALON». В открытую дверь был виден парикмахер, который колдовал над прической некой дамы. Рядом с салоном на пласт-массовом стуле сидел колоритный мужик – пузатый, нечесаный, в расстегнутой рубашке, и курил.

Я позволил себе побеспокоить его: «Извините, а сколько стоит у вас стрижка, то есть... это... фризернуться?» Мужик медленно поднял на меня один глаз – второй оставался прикрытым – и кач-нул головой: «Я не скажу...» – «Почему?» – «Я – не вот это, – он махнул рукой в сторону «Моны Ли-зы». – Я – вот это», – и он показал на соседнюю дверь, рядом с которой вдоль косяка сверху вниз было написано: «ЧАСОВНИЧАР».

Я извинился перед нечесаным часовничаром, или, по-нашему, часовщиком, и пошел искать Ленку – пора было ехать дальше...

СОН ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. ПРО ТВРДОШ И ВАСИЛИЯ ОСТРОЖСКОГО

«А сейчас вы увидите еще одно замечательное и святое для православных – особенно сербов и черногорцев – место, – объявила Лиля. – Мы едем в Тврдош! Это всего пять километров отсюда».

Тврдош – это действительно святое для Сербской православной церкви место. В этом старинном монастыре принял постриг самый по-читаемый ею святой – Василий Острожский.

Это был удивительный человек. В миру его зва-ли Стоян Йованович, родители – бедные крестья-не – произвели мальчика на свет в селе Мркони-чи в 1610 году.

«А вот, кстати, и родина Василия Острожского – Мрконици, – вдруг говорит наша Лиля. – Смотрите, вот сохранился дом родителей нашего святого. На старом кладбище можно увидеть и могилу мамы Ва-силия, ее звали Анастасия. А папу – Петр. Они были очень набожные люди и когда маленький Стоян под-рос, то его отдали в ближайший от села монастырь, который назывался Завала».

Мы едем мимо дома святого Василия по его

родной деревне. Деревня эта, как и Тврдош, на-ходится на живописной равнине, которую сербы зовут Попово поле.

Вот и поворот к монастырю. Автобус остано-вливается на небольшой площадке. Дальше по вы-ложенной камнем дорожке – пешком. Идти, впрочем, недалеко. Небольшой подъем в горку, и мы уже видим здания монастыря.

Центр обители – конечно же, собор. Он совсем небольшой и очень уютный.

«Монастырь Тврдош был заложен в честь успения Пресвятой Богородицы в четвертом веке визан-тийским императором Константином и его матерью Еленой, – тихо говорит Лиля. – В монастырском хра-ме вы увидите раскоп в полу и там – пол именно той церкви, что заложили основатели монастыря».

Тврдош на своем веку пережил немало. Монас-тырь не раз разрушался турками, а в 1694 году ос-маны вообще взорвали его, и монахам пришлось уйти из этих мест. Только в начале двадцатого века божьи люди вернулись в Тврдош.

«Постойте несколько минут молча, – советует Ли-ля. – Просто постойте, посмотрите на горы, на реку внизу, подумайте о чем-нибудь хорошем. Можно даже не молиться, место здесь и так намоленное. Вы почувствуете всю благодать, что здесь живет».

Это на самом деле так. Когда стоишь на площадке у собора, тебя охватывают покой и умиротворение...

Рядом с собором – монашеские кельи. Они совсем не такие, как в монастырях России, – вы-глядят приветливо и как-то светло. Жилища мона-хов расположены в красивых домиках, увитых ви-ноградом. Под окнами келий – цветы. Здесь же могут остановиться и паломники, и просто гости монастыря. И те, кто желает поработать на благо Тврдоша. И такие приезжают сюда...

Василий Острожский прожил в этом монастыре долго, почти вся его жизнь была связана с ним. Пос-ле того как он стал в Тврдоше монахом, его рукопо-ложили сначала в диаконы, потом в священники. За-тем он поехал в Цетинский монастырь, а по возвра-щении оттуда стал архимандритом Тврдоша.

Потом святой Василий был у нас на Руси. Вернул-ся оттуда с богатыми дарами для Сербской церкви. Потом было паломничество на гору Афон. И в 1638 году Василий Острожский возводится в сан митро-полита Требинье, а резиденция митрополичья была опять же в монастыре Тврдош.

Репрессии османов вынудили его уехать из этих мест, и Василий поехал на территорию современ-

ной Черногории, где основал хорошо известный монастырь в скалах – Острог. В основанном им монастыре он и скончался 12 мая 1671 года. А из скалы, рядом с которой находилась келья, где он умер, чудесным образом выросла виноградная лоза.

За свою жизнь Василий Острожский помог многим людям – и словом и делом. И это помнят на Земле и, как видно, на небе тоже...

«А вот сейчас я вам открою еще одну тайну Тврдоша, – хитро говорит Лиля. – Я покажу вам монастырские винные подвалы. Много столетий назад монахи здесь начали заниматься виноградарством и, естественно, виноделием. И, конечно же, у них были свои подвалы, где они хранили бочки с вином. После разрушения Тврдоша турками эти подвалы были засыпаны и о них забыли на целые столетия.

Только когда монастырь возродился и когда стали делать здесь реконструкцию, подвалы эти обнаружили».

Над входом в подвалы восстановлена старинная фреска: благородный святой в тунике, с бородой и нимбом над головой усердно убирает виноград.

Сразу видно, что потрудилось местное монашество, восстанавливая древние подземелья. Под их сводами стоят огромные дубовые бочки, клейменные фирменным знаком монастыря Тврдош. Братии, кстати, пришлось восстанавливать не только подвалы, но и монастырские виноградники. И они в этом преуспели – вина из Тврдоша очень ценят в Европе, они даже получили несколько медалей международных винодельческих выставок.

Особенно вкусно вино «Вранац» – легкое, ароматное. Его и другие сорта монастырских вин, а также местного коньяка и ракии с травками мы отведали в дегустационном зале здесь же в подземелье. Наливал нам бокалы и рюмочки улыбочивый паренек, явно не монах, скорее – послушник какой-нибудь. С нами за компанию он тоже опрокинул пару бокалов «Вранаца» и еще больше заулыбался.

Монастырское вино можно купить в лавочке у входа в Тврдош, там, где остановился наш автобус. Мы купили бутылочку и пожалели потом, что так мало...

СОН ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. МОСТАР

Границы между Республикой Сербской и Федерацией Боснии и Герцеговины, понятно, нет – формально это одна страна. Но по тому, как в придорожных деревнях то тут, то там попадаются разбитые, брошенные, с заколоченными проемами окон православные церковки, мы понимаем, что из

сербской части страны мы уже выехали.

«Да, здесь жили сербы. Их выгнали с этих земель, – ответила на наш немой вопрос Лиля. – Выгнали тех, кто остался жив...»

Тут она объявила нам, что пора и перекусить: «Сейчас мы поедем в небольшой ресторанчик в очень красивом месте. Там отдохнем, пообедаем и продолжим наше путешествие в Мостар». Ну, что-то, а поесть мы с Леной в путешествиях никогда не отказываемся.

Место, куда нас привезла Лиля, – замечательное! Представьте себе: высокие отвесные скалы, с вершин которых, искрясь на солнце, низвергаются небольшие водопады и внизу они встречаются с протекающим у подножия скал бурным ручьем с несколькими заводами. В заводах плещется форель. А на берегу ручья расположился небольшой ресторанчик, где угощают путников как раз той самой свежайшей зажаренной на углях форелью, что только что плескалась в заводе.

Рыба, принесенная нам, выглядела необычайно аппетитно, но Ленка, жалобно посмотрев на меня, спросила: «Саня, а как ее разделявать, а?»

Не успел я открыть рот, как к нам подскочил официант – огромный, словно борец или боксер, и, улыбаясь, отобрал у моей жены вилку и нож.

Остальное произошло в какие-то секунды. Вжик-вжик-вжик, и у Лены на тарелке лежало отдельно филе форели и отдельно рыбий скелетик с хвостиком.

«А-а-а, а мне?» – жалобно проблеял я. Официант улыбнулся и развел руками.

«Это же дама», – сказал он.

Ошарашенная таким искусством разделявать форель и такой галантностью, Ленка залихватски взмахнула вилкой: «Пива нам!» – «Нет, не пиво, – ответил официант-борец. – Рыба любит вино». Он исчез и через минуту материализовался вновь у нашего столика с двумя бокалами белого сухого вина – вкусного и холодного...

После обеда, полюбовавшись водопадами, мы отправляемся в четвертый по величине город страны, центр исторической области Герцеговина. В Мостар.

Название его означает «Страж Моста», и живут в нем преимущественно боснийские мусульмане и хорватские католики. Православных сербов после войны в городе осталось всего четыре процента. Мусульмане и католики живут в Мостаре по разным берегам реки Неретвы. Мусульманин здесь никогда не пойдет жить в католическую часть города, а католик – хорват – в мусульманскую.

Именно через Неретву и перекинут красивый ста-

ринный мост, который дал название городу. По краям моста – башенки для стражников. Само это сооружение было построено в 1566 году османами.

Мост, который видели мы, – уже почти не оригинал. Тот первый, настоящий, был разрушен во время боснийской войны 1992 – 1995 годов. И не только он.

В Мостаре полтора года шли жестокие бои. Все воевали со всеми. Хорваты – с боснийскими мусульманами и сербами, сербы – с хорватами и боснийцами. Потом бошняки объединились с хорватами против сербов. Потом опять хорваты бились с боснийцами. Это был всплеск невиданных после окончания Второй мировой войны национализма, религиозной ненависти и нечеловеческой злобы к ближнему своему.

В Мостаре был разрушен не только мост. Были уничтожены старинные францисканский монастырь и католический собор, дворец католического епископа, в котором хранилась уникальная библиотека. Были уничтожены православные святыни: Сербский православный монастырь, собор Святой Троицы, храм Рождества Богородицы, а также старинные мусульманские мечети и исторические светские здания.

Война в Боснии и Герцеговине была очень жестокой. Противоборствующими сторонами вырезались целые деревни, не жалели женщин, стариков и детей. Создавались концлагеря, где мирное население и военнопленные подвергались пыткам, их забивали до смерти. Международными организациями зафиксированы случаи массового изнасилования женщин.

Были разрушены почти все автомобильные и железные дороги. Более двух миллионов беженцев, более двухсот тысяч убитых... И это в небольшой стране, которая в мирное время, во время существования Югославии, насчитывала всего-то четыре миллиона триста тысяч жителей...

У Старого города в Мостаре стоит разрушенное во время боев здание. На стенах видны отметины от мин и пробоины от попаданий снарядов.

Памятник безумной войне...

Домой в Бечичи мы возвращались почти ночью. Чтобы сократить путь, наш автобус не поехал в обход Боко-Которской бухты, а вполз на небольшой паромчик, на котором и переправился с одного берега на другой. Так мы сократили почти сто километров.

Боко-Которка, надо сказать, под лунным и звездным ночным небом просто прекрасна...

СОН ДВАДЦАТЫЙ. ИЗ БАРА – В БАРИ

То, что из Черногории надо обязательно съездить в Италию, мы с Леной решили еще перед нашим путешествием. Дело-то нехитрое – сел на паром, и вот мы уже в самом юго-восточном итальянском регионе, на каблуке итальянского сапога – в Апулии. В той самой Апулии, которая была основным поставщиком хлеба для Древнего Рима, жителей которой сами древние римляне считали очень гостеприимными, но очень суеверными людьми.

Задумано – сделано! Билеты на паром, что отвезет нас в страну пиццы и спагетти, купили заранее.

Итак, однажды вечером мы вышли из такси у морского пассажирского терминала в городе Бар, что в паре десятков километров от наших Бечичей. Немного позже взошли на чудную посудину 1973 года рождения, которая называлась «Свети Стефан II».

Все сайты, где упоминается этот паром, сразу предупреждают – это не круизный лайнер, а рабочая лошадка, призванная просто перевозить пассажиров и машины из черногорского порта в итальянский, и не более того. «Свети Стефан II» достался Черногории при разделе имущества растерзанной Югославии, как и его брат – почти близнец – паром «Свети Стефан». На своем веку он повидал всякое, даже возил беженцев из Ливии, когда там разгорелась война.

Время в пути от порта Бар до порта Бари – девять часов. Хотя жизнь на пароме начинается часа за два с половиной до отхода: там уже работают несколько баров и ресторан. Народ – в основном молодежь – гуляет по палубам и пьет пиво.

Из Бара отправляем в одиннадцать вечера, и огни порта постепенно исчезают в густой ночной адриатической темноте. Невероятное зрелище – огромная луна, яркие, сочные – такие могут быть только на юге – звезды, огни на проплывающих мимо нас островах и кораблях.

Тишина прерывается тихим смехом и бормотанием молоденькой итальянки, которую обнимает ее молодой человек...

Прослав в каюте всего-то часа три – не больше – мы просыпаемся от невнятного бормотания динамика, который, видимо, хочет сообщить нам, что мы прибываем на место назначения. Так и есть – виден берег. Пока «Свети Стефан II» медленно движется в сторону порта, мы успеваем позавтракать и выпить кофе. Швартовки ждем на самой верхней палубе парома. Отсюда уже видны терминалы и Старый город – церкви, крепостные стены и дома.

Ура! Мы в Бари! Здесь, на палубе, нас застает SMS

от девушки Оли, с которой мы списались еще в Петрозаводске и которая должна показать нам город.

«Вы едете?» – пишет она. «Уже почти прибыли», – отвечаю я.

Молниеносно пройдя пограничников и таможенников, мы выходим из терминала и ждем нашу новую знакомую.

Ольга оказалась хрупкой, светловолосой, с доброй улыбкой. Она ведет нас от пассажирского порта ко входу в Старый город вдоль красивой набережной с многочисленными фонариками.

Эта набережная, оказывается, самая длинная в Европе. Ее протяженность – тридцать километров! Она начинается в так называемом Новом городе, идет мимо города Старого и заканчивается в пригороде Бари, в рыбацкой деревеньке, которая называется Торре-а-Маре.

Набережная в современном ее виде была построена во времена Муссолини, и, говорят, дуче лично интересовался, как идет ее строительство. Перед отплытием в Черногорию мы еще погуляем по ней с Леной.

Идти недалеко, но пока мы делаем первые шаги по итальянской земле, Оля рассказывает нам историю Бари. «На этом месте люди поселились больше трех тысяч лет тому назад, представляете? Уже в пятом веке до нашей эры эта земля принадлежала грекам. А римляне сюда пришли, когда одержали победу над троюродным братом Александра Македонского Пирром. Помните это выражение: «Пиррова победа»? Вот это как раз про него. В одном из сражений с армией Древнего Рима Пирр вел с ними бой два дня и победил. Но когда увидел, сколько воинов у него осталось, полководец горько констатировал: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска...» Римляне его все же одолели и заняли этот порт. Тогда он назывался Бариум».

Древние римляне были заинтересованы в этом клочке земли, поскольку обладание им позволяло контролировать торговые пути в Грецию, Египет и Малую Азию. В 109 году нашей эры через Бари римлянами была даже построена так называемая Траянова дорога, которая была ответвлением знаменитой Аппиевой дороги. Кусочек древней магистрали Оля нам показала в центре Бари чуть позже, он закрыт толстым стеклом, но древняя брусчатка видна замечательно.

После римлян здесь хозяйничали сарацины и даже создали на этой земле Барийский эмират. Затем византийцы выгнали из Бари неверных, а самих византийцев турнули отсюда норманны. Потом Бари был под владычеством Неаполитанского королевства. Ну а дальше... дальше уже пошла история собственно Италии...

«Вот мы и пришли, – улыбнулась Ольга, остановившись перед проходом в крепостной стене. – Сейчас мы войдем в Старый Бари и попадем сразу на площадь Святого Николая».

*Бари.
Базилика
Св. Николая*

СОН ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. СВЯТОЙ НИКОЛАЙ ПО ВЕРСИИ ЦЕРТЕЛИ И БАЗИЛИКА ЧУДОТВОРЦА

Лет десять назад я был в Демре, это в современной Турции. Столетия назад это местечко называлось Миры и располагалось на территории древнеримской Ликии. Именно там находится церковь, где примерно в 345 году нашей эры был похоронен покровитель мореплавателей и путешественников, прототип Деда Мороза и один из самых почитаемых святых во всем христианском мире – Николай Чудотворец.

И я видел этот раннехристианский храм, откуда сорок семь жителей Бари 20 апреля 1087 года выкрали мощи Святителя.

Случилось это так. Организованная группа купцов из Бари и Венеции возвращалась из Антиохии (современная Анталия) домой. У жителей двух городов был хорошо созревший преступный умысел похи-

тить мощи Святого Николая с целью транспортировки их: у одних – в Бари, у других – в Венецию. Они остановились в Мирах, чтобы осуществить задуманное.

Барийцы первыми выслали на разведку своих людей, которые, вернувшись, рассказали товарищам, что в церкви, где покоятся мощи, в это время было только четверо монахов. Трудно сказать, чем именно были страшны эти четверо божьих слуг для итальянских купцов, но они снарядили отряд из сорока семи вооруженных до зубов человек, который и отправился на грабеж святыни.

Грабители прикинулись овечками. Когда они пришли в церковь, то смиренно попросили показать гробницу Николая. Монахи показали.

Один из монахов говорит купцам из Бари: «Парни, нашему старцу намедни приснился сон. Во сне Чудотворец Николай приказал нам бережнее охранять его мощи, так как их хотят украсть. Но это же к вам не относится, правда?»

«Здрас-сте! – говорят барийские купцы. – Нет, конечно! Мы не хотим украсть у вас эти святые кости. Мы хотим их... купить!!! Давайте-ка мы дадим вам триста золотых монет, а вы не мешаете нам упаковать останки Николы и увезти их к нам домой, ОК?»

Монахи гневно зароптали, даже попытались отправить гонца в город, чтобы он сообщил о том, что тут какие-то барыги пытаются купить мощи Чудотворца. Но доблестные бизнесмены-беспредельщики из Бари связали хранителей мощей, поставили у всех дверей церкви своих ребят на стреме и начали бесчинствовать: они раскурочили помост под саркофагом, затем разбили и сам саркофаг.

Некий отрок Матфей из Бари достал мощи, плавающие в благоуханном мире. Видя, что против грубой силы им не совладать, монахи смирились. Их главный, пресвитер церкви, которого звали Дрого, завернул мощи Николая в свой плащ и под конвоем добрых жителей Бари перенес их на корабль похитителей.

Пока мощи Николая Чудотворца перемещались из гробницы на судно, освобожденные монахи побежали в Миры, чтобы рассказать о случившемся жителям и попросить их о помощи. Жители не отказали. Но пока они собирались, барийские купцы уже отплыли...

Вот тут необходима ремарка. Дело в том, что похитители мощей Николая Чудотворца из Бари в спешке взяли не все их части. То, что осталось, монахи собрали в порушенный саркофаг. Но венецианцы, которые были возмущены вероломством своих соседей, не давших им пограбить святое место, не собирались сдаваться. Во вре-

мя Первого крестового похода, который состоялся через несколько лет, они заглянули в разграбленную обитель и отняли у бедных монахов остатки мощей, которые сейчас и хранятся в Церкви Святого Николая в Венеции.

Кстати, уже в наше время ученые подтвердили, что останки скелета, украденного купцами из Бари, и те, что потом подобрали венецианцы, принадлежат одному и тому же человеку – Николаю Чудотворцу...

Но продолжим историю похищения основной части мощей Святого Николая. 8 мая 1087 года корабль, на котором купцы везли святые мощи, прибыл в Бари. 9 мая мощи Святого Стефана были торжественно перенесены в церковь Святого Стефана. Их транспортировка во временное обиталище сопровождалась чудесами исцеления больных.

А через год в Бари было начато строительство базилики Святого Николая, где и по сей день хранятся мощи, похищенные из Мир.

И вот у этой базилики мы сейчас и стоим с нашей новой знакомой Ольгой.

Храм Николая Святого строился больше ста лет. Получилось внушительное, красивое и по своему монументальное здание. Фасад базилики украшен каменной резьбой, его венчают две колокольни.

Снаружи базилика – это огромное здание. Изнутри оно кажется еще больше!

Церковь внутри – это крест: такова архитектура базилики. И мне казалось, что я действительно нахожусь внутри гигантского креста, потолок которого расписан замечательными картинами на библейские сюжеты.

Справа от центрального входа мы видим нечто вроде сокровищницы, украшенной портретами всех настоятелей базилики. Там хранятся христианские святыни. В том числе и шип из тернового венца – он находится в специальном сосуде, и этот сосуд виден был нам, – венца, которым был увенчан Христос в день распятия.

«Иногда из этого шипа сочится капелька крови, – говорит Ольга. – Это верующие считают хорошим предзнаменованием...»

В этом храме происходили события, повлиявшие на судьбу раннесредневековой Европы.

В 1095 году, когда базилика еще строилась, некогда успешный военный, а тогда уже монах-пустынный Пётр Амьенский в этом храме призвал христиан пойти и освободить Гроб Господень в Иерусалиме. Так начался Первый крестовый поход. Первый, но не последний.

А в 1098 году Папа Римский Урбан Второй здесь же, в базилике, собрав иерархов христианских кон-

фессий, попытался объединить Восточную и Западную – то есть православную и католическую – церкви. Но попытка не увенчалась успехом, и это позволило верующим во Христа безнаказанно истреблять друг друга на протяжении столетий...

Мы полюбовались на росписи и каменную резьбу, на старинные иконы и на вырубленный из цельного куска мрамора епископский трон, который появился здесь в двенадцатом веке, а затем – по одной из двух лестниц – спустились в крипту. Крипта – это подземная церковь под алтарем базилики, в которой как раз и хранятся мощи Святого Николая, что были украдены купцами из Малой Азии.

Это совсем небольшое помещение, украшенное колоннами. Здесь есть свой алтарь, он очень скромный. Одна из колонн стоит отдельно от остальных. Ольга объясняет: «Когда купцы из Бари отчалили на своем корабле из Мир Ликийских, то одна мраморная колонна церкви, где был похоронен Николай, вдруг упала, покатила к берегу и плыла за судном до этого города. Жители Бари выловили ее и установили потом в крипте. Девушки, что хотели выйти замуж, и женщины, которые хотели забеременеть, обходили кругом эту колонну, и их желание сбывалось...»

Уже один тот факт, что мраморная колонна могла плыть по морю, лично у меня вызывает сомнение (все же знаком немного с физикой), ну да чего только в мире не бывает...

А что бывает? А бывает то, что я почувствовал в подземной церкви: на душе становится спокойно, исчезают неуверенность и злость. И просыпается добро. Правда-правда, так оно и есть!

Мы попали в крипту как раз в тот момент, когда там молились православные паломники – женщины и дети. Они все молились молча, поэтому тишина у саркофага с мощами была просто звенящей, волшебной...

Хотя базилика Святого Николая принадлежит католической церкви, но с 1969 года Ватикан разрешил православным священникам служить здесь, поскольку Николай Чудотворец не менее – а, может быть, даже более – почитаем у нас, чем в западном мире.

Сама гробница Святого Николая была потеряна в позднем средневековье. Только в 1951 году археологи обнаружили ее при раскопках в базилике. Саркофаг Николая Чудотворца отгорожен от верующих – и воров, видимо – кованой массивной решеткой, за которой горит лампада...

Мы выходим из крипты. Базилика пуста. Лишь у

старинного алтаря несколько человек расстилают ковровые дорожки и раскладывают огромные букеты цветов.

Руководит процессом небольшой тощенький человечек, похожий на непризнанного поэта – нервный и всклокоченный.

«О! Сегодня здесь намечается венчание, – замечает Ольга. – Пойдемте, не будем мешать».

Мы идем к одному из двух выходов из базилики.

И тут я замечаю огромную статую Святого Николая в епископском одеянии. Она стоит в витрине как раз напротив сокровищницы базилики. Статуя украшена серебряными и золотыми пластинами и сверкающими даже в сумраке церкви камнями. Ольга замечает мой интерес к фигуре Чудотворца: «Эту статую выносят отсюда два раза в год – в мае, когда Бари обрел святые мощи, и в декабре – в день Николы зимнего, – говорит она. – И носят ее по центру города и по набережной, куда прибыл корабль местных купцов в 1087 году». Я с изумлением гляжу на изваяние: «Так ведь она же, поди, тяжелая!» «А что делать, традиция», – спокойно отвечает Ольга...

Мы выходим из базилики и видим еще одно изображение Николая. Чуть-чуть наискосок от главного входа в храм. Бронзовый Чудотворец с посохом и тоже в облачении епископа изображен в реальный человеческий рост.

«А! – обрадовалась Ольга. – Вот что я хотела вам еще показать. Этот памятник Николаю Чудотворцу – дар россиян городу Бари. Его установили здесь в 2003 году, когда в наш город приезжал Владимир Путин. Как вы думаете, кто автор этого Николая?»

Мы задумались и пожали плечами. «Не поверите – Зураб Церетели!» – торжествующе ответила наша знакомая из Бари. Оказывается, наш гигантоман может делать интересные миниатюры...

Рядом с памятником Николаю Чудотворцу работы Церетели в тот момент тусовались какие-то престарелые хиппи. Тут же стоял у своей служебной машины итальянский полицейский и сосредоточенно чесал затылок под форменной фуражкой.

«Пойдемте погуляем по Старому Бари», – предложила Оля...

СОН ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ. ПЛЯЖ «ХЛЕБ И ПОМИДОР», КОЕ-ЧТО ОБ ОЛЬГЕ И ПАМЯТНИК КОНЮ БЕЗ ВСАДНИКА

Мы снова стояли на площади Святого Николая. Лена вопросительно смотрела на задумавшу-

юся Ольгу. А та, чуть подернув головой, словно соглашаясь – или не соглашаясь – сама с собой, выдала: «Давайте так. Вот здесь, – и она махнула рукой направо, – вот здесь, рядом – музей Святого Николая. И в нем можно купить освященные иконки Чудотворца и кучу сувениров. Если хотите, позже можем прогуляться к русской церкви, до нее идти километра полтора отсюда». «А чем она знаменита, эта русская церковь?» – поинтересовался я. «Да, собственно, ничем особым. Кроме того, что строил ее архитектор Щусев». – «Тот самый Алексей Щусев, который возвел Мавзолей Ленина?!» – «Ага, тот самый. До революции он строил церкви, после революции мавзолеи вождя мирового пролетариата. Чего удивляться-то?»

Я хотел спросить, почему Ольга сказала «мавзолеи», а не «мавзолей», а потом вспомнил, что Щусев действительно возвел два мавзолея Ленина. Один – деревянный – был построен в январе 1924 года буквально через несколько дней после смерти Владимира Ильича. А тот, что мы видим сейчас на Красной площади, появился позже, в 1930 году.

Ну что сказать... в принципе, что церкви, что мавзолеи – все одно, сооружения культовые, поэтому архитектор Щусев себе не изменил...

«Пойдемте лучше погуляем по Старому Бари, это гораздо интереснее!» – предложила Ольга. И мы вошли в узкие воротца, что расположены между площадью Николая Чудотворца и улицей имени его же...

Люблю бродить по старинным улочкам среди домов, что были построены еще в Средние века. Согласитесь, эти дома, храмы, эти булыжные мостовые обладают какой-то особой аурой, которой наделили их минувшие столетия и люди, что жили здесь тогда...

...На ступенях Собора Святого Савина, что был построен в тринадцатом веке – кафедрального собора Бари – уснула разморенная жарой бабуля. В руках у нее бумажные иконки и листочки с молитвами. Сколько сидит она здесь, может быть, уже пятьсот лет? Время на старых улочках течет совершенно по-другому, чем за древними крепостными стенами...

– А вы знаете, почему в городах, построенных в средневековье, улочки, как правило, узкие и извилистые, вот как здесь, в Старом Бари? – спрашивает Ольга.

– Наверное, строили их без плана, как бог на душу положит, – робко предполагает Ленка.

Наша спутница усмехается.

– Да нет. Планы застройки как раз в большинстве селений были. Вот наш Бари возьмем. В течение столетий он переходил из рук в руки, от одних властителей к другим. И все они были вынуж-

дены воевать здесь, брать город силой. А легко ли воевать на этих узких улочках? При такой застройке каждый дом, каждая церковь может стать крепостью, и завоеватели понесут большие потери, прежде чем завоюют город. Вот в чем дело!

Ленка кивает: да, поняла.

По вымощенным камнем тротуарам мы подходим к большой крепости. «Мы вышли к городскому замку, – объясняет нам Ольга. – Называется он *Castello Normanno-Svevo di Bari*, то есть «норманно-свевский замок Бари». Но начали строить его не норманны-завоеватели, а византийцы в 916 году, которые отбивались здесь от войск сарацинов. Затем его уже в тринадцатом веке подновили, это сделал император Священной Римской империи Фридрих Второй. Когда-то этот замок был с трех сторон окружен рвом, а с четвертой его стены защищало море. Потом, уже в девятнадцатом веке, рвы были засыпаны».

Крепость действительно производит сильное впечатление. Бастионы по ее углам, солидный каменный мост, ведущий к главному входу в замок. И центральная башня – монументальная, способная уже одним своим видом устрашить врагов...

«А сейчас повернитесь спиной к замку и посмотрите на старые кварталы отсюда. Ничего вам это не напоминает?» – хитро улыбается Оля.

Мы обернулись. Перед нами открылся вид, словно сошедший с экрана кинотеатра, в котором показывают итальянскую классику шестидесятых – восьмидесятых годов прошлого века: Феллини, Антониони или фильмы с Адриано Челентано. Тесно прижавшиеся друг к другу домики, на балконах и через улицы развешаны простыни, в окна по пояс высунулись волосатые мужики в майках и, оживленно жестикулируя и яростно дымя сигаретами, что-то доказывают друг другу.

Ольга все еще улыбается, глядя на нас: «Ну что, оценили? Но у меня для вас еще один сюрприз. Сейчас мы пойдем на улицу макарон!» «Куда?» – переспросила Лена. «На улицу макарон. Там вы увидите, как делаются итальянские макароны ручной работы. И это не аттракцион – это реальная жизнь бедных кварталов. Женщины Бари на этой улице уже давно целыми днями заняты тем, что делают макароны. Они занимаются этим прямо у своих домов изо дня в день... Впрочем, вы сами все увидите».

Мы перешли дорогу у замка, втиснулись в небольшой проем между домами и оказались на типичной итальянской улочке. С неизменным бельем на веревках, стоящими у дверей мотоциклами и небольшими двориками, почти в каждом из которых висела на стене дома икона Богородицы, Святого Георгия или Николая Чудотворца с лампадками у ликов.

А прямо на улице, на проезжей части (тротуаров

здесь в помине, кажется, и не было) сидели за столами – по двое за каждым – типичные итальянские матроны и, оживленно болтая о чем-то своем, делали макароны. Процесс этот действительно отработан годами: одна из женщин выщипывала из лежащего перед ней теста кусочек, делала из него небольшую колбаску, затем эту колбаску маленьким ножиком резала на крохотные кусочки и перекидывала их соседке. Та неуловимым движением пальцев их как-то плющила и кидала на стоящее рядом с ней блюдо уже готовую «ракушку» или «спиральку».

«А их сфотографировать можно?» – поинтересовался я у Ольги. «Конечно, они даже не обратят на это внимания».

Мы вышли на широкий современный проспект, забитый машинами, и пошагали вновь в сторону набережной, в свое время так любовно опекаемой Муссолини. Было очень жарко, и Оля с некоторой тревогой поглядывала на нас: доживем ли мы до конца прогулки. Но мы с Ленкой – старые путешественники, нас ничем не проймешь.

«Вот то, что я хотела вам показать. Смотрите!»

Перед нами на довольно высоком постаменте возвышался конь! Это был замечательный железный конь! Его передняя часть, включая ноги и голову, была покрыта попоной. И задняя часть тоже была покрыта попоной. Не охваченной ничем – ни попоной, ни всадником, ни даже седлом – оставалась лишь середина лошади. Почему?

«Сейчас объясню, как тут все получилось, – ответила Ольга на мой немой вопрос. – Дело в том, что местные власти хотели поставить в городе памятник Джузеппе Гарибальди – борцу за освобождение Италии, народному герою. Не знаю, что там получилось, но средств хватило только на постамент и лошадь патриота. На самого Джузеппе – нет. То ли украли деньги, то ли еще что, но конь стоит, а Гарибальди на нем нет...»

Конь без своего именитого всадника смотрел на нас с Ленкой гордо и несколько печально...

«Так... ну, осталось мне показать вам лишь еще одну достопримечательность Бари, а потом мы можем зайти в кафе, поболтать, отдохнуть, и вас ждет увлекательное путешествие в Альберобелло!» – напоминает нам дальнейшую программу Ольга.

От железного коня, лишенного своего седока, мы пошли дальше к морю.

«По этому проспекту вы поедете в глубь Апулии, – наша сопровождающая устремляется вперед. – А я представляю вам, дорогие гости, театр Петруцелли! Он перед вами!»

Мы с Леной увидели изящное здание, которое, как нам казалось, своим фасадом находилось на бере-

гу, а остальная его часть уходила куда-то в море. Еще немного, тут же стал фантазировать я, и этот ярко-красный театр, увенчанный куполом и украшенный двумя башенками, похожими то ли на минареты, то ли на китайские пагоды, просто уплывет от нас куда-нибудь в сторону Албании или Греции.

Оля подвела нас поближе к нему и остановилась. «Место, где мы сейчас находимся, называется совсем просто: Largo della Marina, или «Площадь у моря». Здесь издавна устраивались уличные представления, но жители Бари в конце девятнадцатого века захотели иметь у себя в городе настоящий театр. Их мечту решили воплотить в жизнь два брата-коммерсанта, уроженцы этих мест – Антонио и Онофрио Петруцелли. Они финансировали строительство этого храма искусств, и 14 февраля 1903 года театр открылся. Первой оперой, что здесь поставили, была опера «Гугеноты». Сейчас это самый крупный частный оперный театр в мире».

Оля рассказала нам, что на сцене театра Петруцелли выступали Рудольф Нуриев и Фрэнк Синатра. Это один из любимых театров Лучано Паваротти, который сам родился здесь, в Бари...

«Ну вот, – Ольга даже с какой-то грустью посмотрела на нас. – Наше небольшое путешествие по Бари окончено, – она посмотрела на часы. – Есть полчаса, чтобы выпить кофе и отдохнуть. Затем я передам вас в не менее надежные руки, чем мои». Она засмеялась.

Здесь же, на площади у моря, мы устроились в симпатичной уличной кафешке. Девушки заказали себе кофе, я – бокал пива. Рядом с нами сидела стайка местной молодежи. Вели себя отроки довольно шумно: громко хохотали, скрипуче двигали стульями и даже столами. Окурки кидали прямо на землю, а вслед за окурками летели салфетки и плевки.

– Они всегда так себя ведут? – я кивнул на веселящуюся компанию.

Ольга вздохнула:

– Почти всегда. Не дай бог вечером сесть в автобус с подвыпившими итальянскими малолетками. Стресс на пару дней обеспечен. Но мы уже привыкли, что поделаешь – местный характер, южане...

Тут к нашему столику бочком подобралась пожилая тетенька в ситцевом в цветочках платье.

– Извините, – обратилась она к нам на чистом русском языке. – Слышу, что по-нашему говорят, и решила побеспокоить. Я, понимаете, на один день сюда приехала мощам Святого Николы поклониться. Вот хожу по городу, смотрю, но хочу гига русскоязычного найти. Не подскажете где?

Ольга, подумав, ответила:

– Я освобождаюсь через полчаса. Давайте встре-

тимся здесь же. Экскурсию по Бари я вам проведу, если цена устроит.

Они еще немного поговорили об условиях проведения экскурсии и, видимо, договорились.

– В Бари, наверное, туристов много, – спросил я у нашей новой знакомой.

– Что касается русских, то с каждым годом да, все больше их приезжает сюда. Паломники в основном. К мощам Николая прикоснуться едут. Даже у нас – русскоязычных гидов – конкуренция в последнее время появилась. А вообще, Бари – не туристический город.

– Почему?! Здесь же так много всего интересного.

– Понимаете, Саша, здесь совсем нет туристической инфраструктуры. В последние годы местные власти очень хотят развивать в Бари туризм. Но только недавно построили единственную в городе пятизвездочную гостиницу. Мы живем на берегу моря, а пляжей оборудованных здесь как не было, так и нет.

– Нет пляжей?!

– Нет. Есть единственный муниципальный пляж на выезде из города. Он существует уже лет триста, и за это время ни кабинок для переодевания не поставили, ни туалетов. Охраны нет, опять же. А знаете, как он называется? По-итальянски это звучит так: «Pane Pomodoro», то есть «Хлеб и помидор». Дело в том, что туда издавна ходит загорать и купаться городская беднота. В выходные они целыми семьями идут на море и берут с собой обед. А какой обед может быть у бедных людей в Италии? Хлеб и помидоры. Отсюда и название...

– Оля, а как вы здесь оказались? В Италии, в Бари?

– Мы приехали сюда за солнцем и спокойствием, – отвечает Ольга, поглаживая пальцами светлую челочку.

– Вы?

– Да, мы. Я и мой друг. Валера. Уже скоро десять лет будет, как мы живем в Италии. Как только представилась возможность уехать – так и уехали. Я в Санкт-Петербурге родилась, Валера из Риги.

– Да уж, Питер с Бари не сравнить...

– Хотя я там и родилась, но холодная Балтика не по мне, правда. И еще... в России я жила как на пороховой бочке, у нас в стране всякое может случиться... Здесь тоже есть проблемы, и немаленькие. Но в Италии мне намного спокойнее, чем там, – она машет рукой куда-то в сторону моря.

– И возвращаться не собираетесь?

– Нет! – она сказала это весьма решительно. – А зачем? Нам здесь неплохо живется. Снимаем приличную квартиру, окончили с Валерой курсы гидов и

получили лицензию на экскурсионную деятельность. Сейчас вот новый, свой собственный, маршрут для туристов разрабатываем. Помогаем россиянам арендовать апартаменты и виллы в этом регионе.

– Валера, значит, тоже гидом работает?

– И гидом тоже. Кстати, к труллям вы именно с ним поедете, он скоро к нам присоединится. А когда туристский сезон заканчивается, то Валера ездит на заработки в Германию. Он у меня еще и строитель неплохой, так что работу там без труда находит. Так и живем...

– А кризис 2008 года вы как здесь пережили? Ведь на Италии он очень сильно отразился, и Германия пострадала.

Ольга грустно усмехается.

– Мы-то нормально пережили. Мы же русские, после ужаса девяностых годов ко всему привычные. А вот итальянцы все это тяжело перенесли. В Апулии даже волна самоубийств прокатилась, это когда мелкие и средние предприятия разоряться начали. И не только поэтому люди себя жизни лишали. Понимаете, итальянцы привыкли к стабильной, спокойной и предсказуемой жизни. А тут уверенность в завтрашнем дне напрочь исчезла. Это для них была величайшая катастрофа. Тем более что социально итальянцы практически не защищены...

Мы вышли на набережную. Ольга подвела нас к высокому крепкому улыбчивому парню, что стоял у чистенького, далеко не старого «Фольксвагена» с латвийскими номерами. Он пожал мне руку, а перед Леной предупредительно открыл заднюю дверцу.

Тепло попрощавшись с Ольгой, наша команда двинулась в глубь Апулии.

СОН ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ. К ТРУЛЛЯМ, К ТРУЛЛЯМ!

Когда мы устроились в машине, я первым делом спросил у Валеры:

– А почему у вас номера латвийские стоят?

Наш новый знакомый весело рассмеялся:

– Понимаешь, экономия. Здесь, в Италии, автостраховка дико высокая. В Латвии намного дешевле это обходится. Поэтому я раз в год езжу в Ригу, оформляю все необходимое там, а потом спокойно езжу с этими номерами здесь. Латвия же в Евросоюзе, поэтому ко мне никаких претензий.

Мы проскочили пляж «Хлеб и помидор» и уже неслись по автостраде вдоль моря.

«Мы будем с вами проезжать очень красивые места, – говорит Валера. – Увидим оливковые рощи и старые итальянские усадьбы. Сейчас мы повернем

в сторону от моря и поедем в гору, это дорога на Альберобелло. А в Бари вам понравилось?»

Мы с Леной не сговариваясь поднимаем вверх большие пальцы. Валера довольно хмыкает. Я спрашиваю:

– Оля рассказывала, что вы помогаете русским туристам арендовать виллы и апартаменты на море. Много наших сюда приезжает? Дорого это стоит?

Валера пожимает плечами.

– Ну, апартаменты, естественно, довольно дешево можно снять. Целую виллу – это дорого. Но охотников снять всю виллу для себя любимых хватает. Россияне, особенно те, кто неплохие деньги зарабатывает, любят отдохнуть с комфортом. – Тут он коротко хохотнул. – Но иногда сами итальянцы подводят. Мне порой кажется, что им лень зарабатывать деньги. Вот случай у меня был в прошлом году. Ко мне обратилась одна семья из России с просьбой найти приличную виллу у моря, хорошие деньги готовы были платить. Я помог, нашел шикарный дом. Хозяин запросил шестнадцать тысяч евро за 20 дней. Это очень большая плата за такую виллу, но россияне согласились. И что вы думаете? Хозяину, для того чтобы на этой вилле можно было жить, надо было только подключить газ. Дел на пару часов! Так ведь он за полмесяца не смог этого сделать. Типа – занят был! По-моему, это была обычная лень!

– И что? – заинтересованно спросил я. – Чем все закончилось?

– Ничем. Сделка сорвалась, хозяин виллы остался без денег, я – без комиссионных. Русская семья, наверное, нашла себе другую виллу. Вот так-то...

Наша машина уже ехала по дороге, вдоль которой и слева, и справа уютно устроились за низкими каменными заборчиками оливковые рощи.

«Посмотрите на эти заборы, – говорит Валера. – Они сложены из камней, которые крестьяне выкорчевывали из земли, когда расчищали места под посадку олив. Здесь есть камни, что были извлечены лет эдак четыреста назад. Вроде уберет крестьянин все камни, а на следующий год появляются новые. Словно растут они вместе с деревьями. Вот так постепенно такие заборы и создаются».

Я слушал Валеру и вспоминал рассказы о землядели в родной моей Карелии. Заонежские крестьяне тоже веками расчищали пахотные поля от камней, но камни у нас, как и здесь, на юге Италии, откуда-то появлялись снова...

А Валера продолжал: «Многие из этих оливковых рощ сейчас заброшены. Деревья болеют и гибнут». «А почему их забросили?» – вступает в разговор Лена. «Крестьяне, что владели этими рощами раньше, уже не могли за ними ухаживать: молодежь уехала в

города на заработки, старикам это уже не под силу. Рощи стали продавать. Новые хозяева выращивали оливки, получали масло, продавали его. Но постепенно это стало невыгодно, а потом и кризис грянул. Вот все и пришло в упадок, рощи зарастают». «И все эти оливы сейчас бесхозные?» – удивился я. «Да нет, почему же все, – успокоил меня Валера. – Находятся люди, которые за бесценок их покупают вместе со старинными усадьбами. Кстати, вот одна из них, – он показал рукой направо. Мимо нас проплыл изящный белый домик под красной черепичной крышей. К домику вела ухоженная, вымощенная камнем дорожка, а у входа стояли статуи и пара бюстов в древнеримском стиле. – Это отреставрированная усадьба. Здесь сейчас принимают туристов, которые желают пожить деревенской жизнью, пособирать оливки и виноград, подышать чистым воздухом...»

«Агротуризм это называется. Мы в таких агроусадьбах в Хорватии и Белоруссии отдыхали». – «Во-во, агротуризм, точно, – согласился Валера. – Местные предприниматели, кстати, желающим одну интересную услугу предлагают. Вы можете в этих рощах обрести свое личное оливковое дерево». – «Да ладно, – удивился я. – И что я с ним буду делать?» – «Можешь приезжать к своему дереву, сидеть возле него, разговаривать с ним. У ствола поставят табличку с твоим именем. А хозяин рощи будет ежегодно присылать тебе 30 литров масла, выжатого из оливок с твоего дерева. Стоит эта услуга недорого: если ты берешь дерево на один год – 100 евро, на два года, соответственно, 200 евро. Ну а дальше скидки». «Замечательный бизнес», – искренне порадовалась за предпринимчивых апулийцев Лена...

За разговорами мы даже не заметили, как подъехали к чудо-городу Альберобелло. Остановились в ложбинке между двух холмов у памятника погибшим во Вторую мировую войну солдатам.

«А кому именно поставлен памятник? – спрашиваю у Валеры. – Тем, кто воевал на стороне Германии, или тем, кто воевал против фашистов?» – «И тем, и другим, – отвечает он. – Солдаты – это всегда жертвы войны и проклятых политиков, на чьей бы стороне они ни воевали...»

Мы с Валерой подходим к небольшой смотровой площадке. «Альберобелло расположен на двух холмах, – начинает рассказ друг Ольги. – Справа от нас город современный, но мы не за тем приехали, чтобы смотреть на него. Нас, друзья, интересует то, что находится слева: старый город, город труллей. Вот они, эти замечательные здания, перед вами. И сегодня мы гуляем именно среди них!»

Трулли – это небольшие домики, построенные из белого известняка, куски которого не скреплены

друг с другом ничем – просто плотно пригнаны. Известковые стены сделаны так, что в жару они сохраняют внутри прохладу, а в холода не дают остыть теплomu воздуху.

Венчают эти домики конические крыши, из-за которых эти здания похожи на жилища каких-то сказочных существ. Само название домиков – трulli – как раз и произошло от вида их крыш: «трullo» по-гречески «купол».

Крыши сделаны из камней, которые тоже просто лежат один на другом без всякого раствора. И у каждой такой крыши внизу есть специальный камень. Если этот камень вытащить, то рухнет вся крыша, накрывая собой стены трулля.

Кто и зачем возводил трulli? История их такова. В шестнадцатом веке этими землями владели богатые, но очень прижимистые герцоги Аквавива. А сами они – герцоги – были подданными неаполитанского короля, который заставлял своих вассалов платить дань за каждый построенный в их владениях дом. Естественно, что эти господа перекладывали этот налог на своих крестьян, которые и так еле-еле выживали при столь жадных хозяевах.

И что же придумали хитрые итальянские земледельцы? Они стали строить трulli. Как только дозор доносил до них весть о приближении сборщиков податей, хозяева этих волшебных домов выдергивали тот самый нижний камень в крыше трулля, и на месте только что стоявшего жилища образовывалась куча камней.

Как только средневековые налоговики проезжали, равнодушно окинув взглядами лежащие то тут, то там камни, крестьяне принимались

отстраивать трulli заново, что не занимало у них много времени. И так продолжалось многие годы. Труллей здесь становилось все больше, и в конце концов появился вот этот городок.

Но вот что удивительно: в 1797 году король освободил жителей Альберобелло от налогов и даровал им свободу. Казалось бы, работой и спи теперь спокойно, строй нормальные дома. Но нет, большинство людей не поверили этому указу и по-прежнему строили трulli по дедовским традициям. И возводили их аж до 1925 года! Именно в этом году итальянские власти законодательно запретили строить трulli. Но сносить их не стали, в них можно было жить, их можно было ремонтировать.

Таким образом эти красивые исторические здания дожили до наших дней. Сейчас Альберобелло со своими труллями включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ходить по улочкам Альберобелло – это какой-то праздник! Причем праздник спокойный, домашний. Множество труллей украшено цветами, мимо домиков по улочкам, что ведут вверх-вниз, гуляют туристы. Все улыбаются и машут встречным ладошками. Идиллия какая-то! Теперь я понимаю, почему сюда стремятся тысячи людей...

– И в труллях до сих пор живут люди? – спрашивает Лена.

Валера отрицательно мотает головой:

– Нет, конечно. Сейчас в домиках только магазинчики, сувенирные лавочки и отели. Отели здесь, кстати, есть и эконом-класса, и для богатых посетителей Альберобелло. Но как жили в труллях семьи

крестьян, я вам сейчас покажу. Пойдемте направо.

Он подходит к одному из труллей и машет нам. Мы входим. В старом домике обосновалась небольшая сувенирная лавочка, но она занимает совсем немного места. Остальное пространство трулля воспроизводит интерьер, в котором жили хозяева.

– Вот посмотрите. Эта большая комната, где мы сейчас находимся, – общая для всей семьи, или гостиная. Из нее крохотный коридорчик ведет на кухню. Вот очаг, вот кухонная утварь. Здесь, за занавеской – комната родителей...

Комната взрослых напоминает скорее нишу, в которой уместились двуспальный топчан, небольшой комод и икона Девы Марии на стене. Все.

Под крышей трулля еще две кровати – для детей. Там же что-то типа кладовки, сложена какая-то домашняя утварь. Господи, да эти маленькие трулли еще и двухэтажными были!

– Когда дети выросли и женились, то к родительскому труллю пристраивался еще один или несколько – для новых семей. Чем-то это напоминает муравейник.

– А какой самый старый трулль в Альберобелло? – интересуюсь я. – Сколько ему лет?

– Самые старые трулли относятся к шестнадцатому веку, как раз к тем годам, когда их и начали здесь возводить, – просвещает меня Валера. – И сейчас большинство из них принадлежат уроженцам города или представителям местных семей. Но есть и исключения. Пойдемте-ка во владения бабушки Марии.

Мы выходим из лавочки и двигаемся в сторону нескольких труллей. Некоторые из них соединены друг с другом, некоторые просто тесно прижались стенами.

– Вот это и есть владения Марии. Здесь это личность очень известная. Она в Альберобелло приехала издалека сразу после войны, еще девочкой. Работала на хозяйку на ткацком станке. Потом поднакопила денег, купила себе отдельный трулль, наняла своих работниц и основала тоже ткацкую мастерскую. Ее вышивки, скатерти, постельное белье охотно покупали богатые магазины в Италии и за границей. Потом она купила еще один трулль, потом еще один...

Сейчас она владеет несколькими труллями-гостиницами, труллями-мастерскими, труллями-магазинами, труллями-кондитерскими. У нее трудится тридцать работниц. И сама она до сих пор делает изумительные вышивки. Мария любит гостей. Надеюсь, мы попьем с ней чаю, – обнадежил нас Валера.

Он оставил нас в небольшом магазинчике, в котором продавался текстиль с великолепными ручными вышивками. Стены магазинчика обклеены газет-

ными вырезками со статьями о хозяйке и ее фотографиями с известными, вероятно, в Италии персонами. Лично я узнал только Сильвио Берлускони.

Через какое-то время Валера вернулся несколько обескураженный.

– Бабушка Мария отдыхает. Возраст, знаете ли... Ну ладно, тогда давайте залезем на крышу ее труллей.

По узенькой лестнице с двумя небольшими площадками, которая вела из подсобного помещения магазинчика, мы поднялись на крышу трулля. Точнее, еще на одну площадку, что примостилась между двумя крышами. Вид отсюда был просто потрясающий! Мы видели почти все крыши труллей Альберобелло. Насладившись видом и радостно насклавшись по трем рядом стоящим крышам, мы вернулись на землю.

Валера заботливо осмотрел нас.

– Не устали? А то вон жара какая! Сегодня гроза будет, это точно...

– Нет. Все в порядке. Куда мы сейчас?

– А сейчас мы зайдем к одному моему другу. Его зовут Томмазо. Он держит здесь мастерскую, в которой делает замечательные фигурки труллей. Да вы и сами все увидите.

Мы перешли дорогу, пересекли маленький переулок и остановились у совсем крохотного трулля, дверь в который была открыта.

– Отлично, – обрадовался наш проводник. – Томмазо, значит, еще не ушел на сиесту. Нам повезло.

Мы вошли в небольшое помещение, которое, по всей видимости, служило хозяину и мастерской, и магазинчиком. Посреди помещения стоял стол с заготовками и готовыми изделиями. А изделия эти были, конечно же, трулли! Трулли стояли на столе, на полках, в шкафу, на полу, в двух маленьких нишах...

«Томмазо!» – громко позвал Валера. Откуда-то из внутренностей трулля послышался негромкий шум. Пока хозяин выбирался к нам, я рассматривал его творения. Скульптурки были искусно вырезаны из почти белого камня. Из камня темного с прожилками, из полупрозрачного. Из камня цвета «кофе с молоком»... Они были совсем маленькими, чуть больше, еще больше и уже совсем большими – где-то в полметра в высоту.

– Нравится? – спросил Валера.

– Еще как!

В это время появился таинственный мастер Томмазо, был он худ и немного заспан. Лет ему было пятьдесят или чуть больше. Он сердечно поздоровался с нами. Я указал на работы мастера:

– А из чего эти трулли сделаны?

Валера перевел вопрос, Томмазо ответил, и они весело захохотали.

– Он говорит, что материал для своих скульптурок подворовывает потихоньку, а что делать – жить-то надо, – перевел ответ мастера наш гид и пояснил. – Дело в том, что в окрестностях Альберобелло есть пещеры и старые заброшенные шахты. А в них за столетия выросли сталактиты. Трогать эти сталактиты нельзя, запрещено. Но Томмазо потихоньку туда пробирается, откалывает кусочки или подбирает те, что лежат на земле там, в глубине. Из них и режет труллы.

Мы улыбнулись, Томмазо закивал нам головой и показал на полки.

– Выбирайте, если что понравилось.

Много у мастера мы, конечно, не купили, но несколько его трулл приобрели. В подарок родным...

Когда мы вышли из мастерской Томмазо, Валера поинтересовался: «Вы голодные?»

Мы пожали плечами. Не то чтобы очень голодные, но немного подкрепиться не мешало бы. «Ну сейчас перекусите и даже выпьете и не заплатите при этом ни цента, – начал интриговать нас Валера. – Вперед!»

Он вывел нас еще на одну улочку Альберобелло, где в труллах разместились небольшие магазинчики, торгующие всякой местной снедью. «Сейчас мы будем заходить в эти лавочки и вас будут угощать. Местные торговцы очень любят, когда их товар пробуют», – говорит наш спутник.

В первом же магазине хозяйка преподнесла нам большую деревянную – похожую на разделочную – доску. На доске лежали кусочки вяленого мяса, колбасы и несколько видов сыров. «Кушайте, пробуйте, – подбодрил Валера. – Это все для вас!»

Особенно мне понравилось копченое мясо в сыре. Эдакий своеобразный сырный рулет, начинкой которого служит очень вкусно выделанная свинина. «Это блюдо было изобретено итальянцами не от хорошей жизни, – объясняет наш новый приятель. – Дело в том, что когда в девятнадцатом веке итальянцы стали массово эмигрировать в Америку, то американцы на границе отбирали у них мясные изделия, которые жители Италии брали с собой в дорогу покушать. Таковы были санитарные законы у них там. А сыр почему-то провозить разрешали. Вот тогда и придумали местные хозяйки такой вот хитрый рулет. Он может храниться долго и при этом оставаться вкусным и сытным!»

Потом мы зашли еще в один магазин, потом еще в один... В недолгих переходах из одного заведения в другое Валера объяснял нам: «Альберобелло благодаря своей известности и постоянному потоку туристов дает возможность заработать на жизнь множеству людей. Все, что вы сейчас пробуете, произведено в окрестностях города – на небольших фермах, в винокурнях, оливковое масло

выжато из растущих в местных рощах олив... Сувениры, скатерти, вышивка – все это не в Китае произведено и даже не в других областях Италии. Все это – местное производство».

В конце концов, он заводит нас в магазинчик, где на полках стоят разномастные бутылки: «Вот здесь вы можете купить настоящее вино из виноградников Альберобелло. И не только вино». Хозяин лавочки расторопно наливает нам по маленькой рюмочке желтоватой жидкости. Валера говорит: «Это граппа, настоящая на лечебных травах». Мы пробуем. Вкусно. Хозяин вновь наполняет нам рюмочки жидкостью из другой бутылки. Жидкость прозрачна как слеза. Валера поясняет: «Это чистая граппа, сделанная из винограда, что выращен на виноградниках хозяина магазина. У него там же и своя винокурня...»

Вышли мы с этой волшебной улочки с двумя огромными пакетами местных деликатесов, гремя бутылками с замечательным вином и граппой... «Не устали?» – заботливо поинтересовался Валера. «Ик! – тихо вырвалось у Ленки, и она жалобно посмотрела на меня. – Ик!» «Понятно, – сказал наш проводник. – Если вы не хотите еще погулять среди трулл, то поедем обратно в Бари. Там можно и отдохнуть до паромы...»

СОН ПОСЛЕДНИЙ.

КАК ЛЕНКА МЕНЯ ЧУТЬ НЕ ПОТЕРЯЛА И О САМОЙ ШИКАРНОЙ ГРОЗЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Обратно в Бари мы прибыли около шести. Жара не спадала. В это время найти открытое кафе в городе – проблема: у жителей города система и вся жизнь здесь замирает до половины восьмого вечера.

Но нам повезло, на центральной улице мы все-таки обнаружили открытое заведение. Усевшись за столик и заказав немного перекусить и пива, с удовольствием вытянули усталые ноги.

До отхода «Свети Стефана» в Черногорию оставалось еще больше трех часов.

После отдыха в ресторанчике мы не спеша двинулись в сторону набережной, опять забрели в старый город...

До нашего терминала в порту оставалось дойти всего ничего, как южноитальянская природа решила преподнести нам сюрприз. Небольшие тучки, что как бы сами по себе гуляли по небу, вдруг стали стремительно собираться в одну огромную черную тучу, которая увеличивалась и набухала прямо на глазах. Не прошло и пяти минут, как солнце исчезло за этой тучей и начался ливень!

Что это был за ливень! Вода не просто лилась с неба, ее струи буквально секли набережную, асфальт, булыжные улочки и дома Старого Бари, секли базилику Святого Николая... Небо и земля соединились этой нереальной рекой.

Мелкими перебежками от укрытия к укрытию мы медленно, но верно приближались к морскому порту. Под ноги уже не смотрели. Зачем? Там, внизу, была одна сплошная лужа.

Мокрые, как будто только что вынырнувшие из моря, волока за собой сумку с апулийскими дарами, мы ввалились в терминал.

Поискали, где там можно присесть, и не нашли. Вернулись на улицу, благо перед входом в терминал сооружен солидный навес, а под навесом стоят скамейки. Я усадил Лену, пристроил рядом с ней сумку. «Посиди здесь пока, – говорю. – А я пойду нас зарегистрирую...»

И пошел в помещение терминала, чтобы найти, где выдают посадочные талончики на паром. Не нашел. Все окошечки там были пусты и закрыты. Тогда я решил попросить помощи у итальянки, что стояла у выхода и была одета в пограничную форму. Итальянка выглядела солидно и даже монументально, как норманнский замок в Бари.

«Извините, – спросил я у нее по-английски. – А где я могу сделать регистрацию на «Свети Стефан?»»

«А-а-а! Check in? – возликовала монументальная итальянская пограничница. – О-о-о-о! Check in!...» И далее она стала мне что-то говорить. Говорить очень темпераментно и быстро, размахивать руками и показывать куда-то в сторону льющегося дождя. Я чувствовал, что она говорит по-английски, но это был очень странный английский. Такого я не мог понять. Единственное, что я мог уловить из ее речи, это было: «orange bus». Но при чем тут оранжевый автобус, если нам надо на паром?!

Так ничего и не поняв, я грустно улыбнулся стражу итальянской границы и решил узнать еще у кого-нибудь, где все-таки выдают пропуска на наш милый старый кораблик.

И тут явился ангел! Этот ангел был в облике невысокого худого молодого человека, довольно симпатичного, в белой панамке и с рюкзаком за спиной.

«Извините, – обратился ангел ко мне на понятном английском. – Я слышал ваш разговор. Я могу помочь. Регистрация делается не здесь. Надо довольно долго ехать на специальном оранжевом автобусе. Он довезет вас до касс, вы там регистрируетесь и на этом же автобусе вернетесь обратно. Вы поняли?» Ангел вновь улыбнулся и показал куда-то мне за спину: «Вот он, оранжевый автобус. Идите скорее!»

Я ломанулся к выходу из терминала, поскольку действительно узрел только что притормозивший у

навеса оранжевый автобус. Ленка, съездившись, сидела на скамеечке и чем-то напоминала мокрого усталого воробушка. Пробежая мимо нее, крикнул: «Ты сиди-сиди. Я на регистрацию». Она недоуменно посмотрела мне вслед, но я уже влетал в закрывающиеся двери автобуса.

Дождь и не думал переставать. Струи так молотили по крыше, что мне казалось, что попал я вовнутрь огромного барабана. И тут я понял, что с такой же силой ливень барабанил и по навесу, под которым сидела моя жена. А это значит... это значит, она не слышала, что я ей крикнул, догоняя автобус! Господи, что же я наделал! Она же там одна, без документов, без денег! И не знает, куда меня вообще понесло!

Я мысленно стал подгонять автобус, но, как мне казалось, он еле тащился в этой водяной каше. Я проклинал все на свете.

Наконец мы подъехали к месту, где народ регистрировался на паромы (одновременно с нами уходили еще два – в Албанию и Грецию), и я со всех ног помчался к кассам. Еще пара минут – и возжеленные посадочные талоны были у меня в руках. Можно ехать обратно. Я повернулся...

А-а-а... а где? Автобуса не было!

Возле небольшой платформы, где останавливалось это оранжевое авточудо, я услышал русскую речь. Пара наших мужиков стояли, пили пиво и смеялись чему-то своему.

«Ребята, а куда автобус делся?» – пристал я к ним. Земляки удивленно посмотрели в мою сторону: «Как куда? Поехал опять на ту сторону порта за другими пассажирами». – «А скоро вернется?» – «Минут через двадцать. Может, чуть побольше. Дождь-то вон какой...»

Меня продрала противная дрожь. Если он двадцать минут будет где-то ездить, потом еще десять – на дорогу обратно до терминала... А как же там Лена-то?!

Все оказалось еще хуже, чем я предполагал. Когда проклятый «orange bus» все же появился и я запрыгнул в него, оказалось, что он сначала развозит зарегистрировавшихся пассажиров в дальние терминалы и только потом приезжает туда, где, уже урча большими трубами, стоит наш «Свети Стефан»!

Когда я – примерно через час – появился перед Леной, то увидел ее сидящей абсолютно неподвижно и с остановившимся взглядом. «Вот и я, – как-то совсем глупо вырвалось у меня. – Привет...»

«Привет, – как-то совсем без выражения ответила она. – А где ты был?»

Я рассказал ей все от разговора с монументальной итальянской пограничницей и встречи с ангелом до приезда сюда на этом треклятом оранжевом автобусе. А она рассказала мне о

том, как провела этот час: «Когда ты, как безумный, выбежал из дверей и, каркнув мне что-то, укатил в дождь, я сначала не очень волновалась. Но прошло десять минут, потом двадцать, потом полчаса... время шло, а тебя все не было. И тут я поняла, что у меня с собой нет ни паспорта, ни денег, ни билета на паром. Нет ничего! И если ты не появишься, то я останусь тут одна-одинешенька. Даже что-то спросить ни у кого ничего не смогу – языков-то не знаю...

А потом подумала: да и фиг с ним! У меня в сумке вино и граппа, куча закуски. Ты не появишься, уйдет паром – я выпью хорошенько, поем и пойду сдаваться первому попавшемуся карабинеру! Ночку в камере проведу, а с утра буду требовать российского консула. И пусть бы попробовали мне отказать!»

Я поцеловал ее в знак восхищения, а сам подумал: наших женщин не так просто взять!

Пока Лена все это мне рассказывала, над Бари началось светопреставление! К мерному шуму дождя добавился оглушительный грохот, а темное от туч небо раскалывали огромные молнии! Молнии били в море, били в город, били в горы, что высились за Бари. Горы, еще недавно неразличимые, теперь ясно вырисовывались при каждом ударе молний. И каждая огненная стрела, что летела на землю, сопровождалась сполохом наполовину неба. Это была самая сильная, самая великолепная гроза, которую я видел в своей жизни!

Мы быстренько нырнули в чрево парома, кинули вещи в нашу каюту и пошли в ресторан. Стресс последнего часа сняли виски, а для пущего спокойствия

мы съели по порции фаршированного негушским пршутом кальмара.

Сказать, что мы были мокрыми – это ничего не сказать. А поскольку у нас никакой сменной одежды с собой не было, то мы пошли сушиться на закрытую палубу. Паром уже отошел от итальянского берега, дождь не залетал к нам на скамеечку, а ветер был удивительно теплым.

У нас с собой было по паре небольших бутылочек пива. Мы пили и смотрели, как молнии и сполохи показывают нам то Старый город, то маяк, то горы, то острова в море. Сидели мы долго. А потом вдруг запели. Над темнотой Адриатического моря, что сливалась с темнотой итальянского неба, неслось:

*Там вдали, за рекой,
загорались огни,
в небе ясном
заря догорала.
Сотня юных бойцов
из буденовских войск
на разведку
в поля поскакала...*

А потом я сказал: «Знаешь, а ведь эта ночь еще долго будет мне сниться. Вот через год она мне будет сниться точно, я знаю! Правда! Это будет замечательный сон. Один из многих таких снов о наших путешествиях. Снов о прошлогоднем лете...»

**Бечичи – Тирана – Бари – Петрозаводск
август 2013 – август 2014**

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

